

Владимир Гурвич

ОСТРОВА НА РЕКЕ

«Возможно, попытки найти счастье только способствуют несчастью. Возможно, отзвук моих желаний помешал странной птице сесть на мое плечо. Я так долго и так громогласно искал счастье. Я искал его везде и повсюду. Я всегда представлял себе, что счастье — это остров на реке. Возможно, это река. Я думал, что счастье — это название пристанища в конце пути. Возможно, это путь. Я всегда верил, что счастье обязательно придет завтра, завтра и завтра.

Быть может, оно здесь. Быть может, оно сейчас. Во всех других местах я искал его. Итак, здесь и сейчас.

Но здесь и сейчас, несомненно, царит несчастье. Возможно, счастья не существует, это только мечта, сотворенная несчастливой душой. Конечно, оно не может быть таким, каким я его представляю себе, будучи несчастным. Здесь и сейчас счастья не существует.

Счастья нет. Поэтому мне не нужно терзать себя из-за того, чего не существует. Я могу забыть о счастье; я могу больше не думать о нем и вместо этого посвятить себя тому, что я хорошо знаю, могу чувствовать и в полной мере познавать. Счастье —

это пустая мечта: сейчас утро. Я могу проснуться и встать с несчастьем, которое реально под солнцем в этот момент. И сейчас я вижу, что значительная доля моего несчастья происходит от попыток быть счастливым; я даже вижу, что эти попытки есть несчастье. Счастье не делает никаких попыток...

Наконец я здесь и сейчас. Наконец я есть то, что я есть. Я не лицемерю, чувствую себя непринужденно. Я несчастлив — ну и что?... Однако разве это то, от чего я бегу? Действительно ли это несчастье?...

А когда я перестану быть счастливым или каким-либо еще, когда я перестану искать, когда я перестану блуждать в поисках чего-то, я по всей вероятности окажусь в странном месте: я здесь и сейчас. Когда я увижу, что ничего не могу сделать, что все мои действия — это лишь все та же мечта, в тот момент, когда я увижу это, моя душа старого мечтателя и странника успокоится и станет подлинной.

В определенный момент, здесь и сейчас, реальный мир показывает, смотрите: здесь и сейчас, уже и всегда есть все то, что я искал и за что боролся где-то в другом месте, в одиночку. Более того, я охотился за теньями; реальность здесь, в этом залитом солнцем месте, она сейчас в этом птичьем крике. Именно мои поиски реальности отдалили меня от нее; желание оглушило меня. Птица пела

здесь все это время...

Если я спокоен и не стремлюсь найти счастье, то счастье, мне кажется, сможет найти меня. Оно есть, если я действительно спокоен, спокоен, как смерть, если я совершенно мертв, здесь и сейчас.»

Майкл Адам

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Самолет, протаранив густые перистые облака, стал быстро сближаться с землей. Колесами шасси он коснулся посадочной полосы, затем, словно не полностью доверяя ей, слегка подпрыгнул, как бы проверяя ее на прочность, а затем уже приземлился основательно и окончательно и быстро покатил по пятнистому, словно шкура леопарда, бетону. Подали трап, и через несколько минут стайка пассажиров уже сгрудилась на летном поле в ожидании автобуса.

«Ну, вот я и на Родине», — мысленно сказала себе Надин, осматриваясь вокруг себя. Объездила полмира, но никогда прибытие в очередную страну не вызывала у меня такого сильного приступа волнения. А сейчас готова чуть ли не зарыдать. А ведь я-то думала, что жизнь, словно кислота, напроць выжгла во мне все остатки

сентиментальности. Впрочем, я слишком хорошо знаю себя, а потому понимаю, что эти мои эмоции не надолго. Достаточно несколько минут и они схлынут, как приливная волна. Кажется, слава богу, она уже начала свое возвращение в холодный океан жизни».

— А тут чертовски холодно, — как всегда недовольна морща носик, подала на французском голос Патриция.

— Мы же с тобой договорились: как только ступим на российскую землю, будем изъясняться исключительно по-русски.

— Хохошо, мама, будем изъясняться по-хусски. Но все хавно, мама, здесь холодный погода.

— В мае в России бывает не всегда тепло, — не стала исправлять она ошибки дочери. Она решила не заниматься этим вообще, так как чувствовала, что необходимость делать все время исправления раздражает ее. Патриция способная к языкам и скоро сама начнет говорить правильно. Так было, когда они жили в Нью-Йорке, так будет во время их пребывания в России. — Я думаю, скоро потеплеет, — добавила она, чтобы хоть немного утешить дочь, — как только разойдутся облака и выглянет солнце, ты это сразу же ощутишь.

Надин посмотрела на свое потомство, как

нередко мысленно называла она дочь. Конечно, ей непросто и акклиматизироваться и привыкнуть к новой ситуации; вчера она еще была на средиземноморском побережье, где ярко сияло солнце, весело проводила время со своими друзьями, а сейчас отнюдь не по своей воли стоит под пронизывающим ветром в открытом поле и ждет явно не спешащего на свидание с ними автобуса.

Патриция никак не отреагировала на последние слова матери, обещавшие в скором будущем хороший синоптический прогноз, она безучастно разглядывала окружающий её авиационный пейзаж с шумовыми и световыми эффектами в виде рева моторов и подсветкой от огней рулящих по полю лайнеров, и всем своим видом показывала, что не одобряет этой затеи с поездкой в Москву.

Наконец подали автобус, затем, преодолев кордоны из таможенного и паспортного контроля, они вышли на привокзальную площадь и сели в такси, которая помчалась по оживленной трассе в сторону города. Надин совершенно не помнила той дороги, по которой она покидала эту страну, и сейчас не могла сравнивать окружающие картины с теми, что, кажется, навсегда затерялись в каких-то отдаленных закоулках ее памяти. И все же она с огромным интересом смотрела на эту новую и по

сути дела неизведанную для нее жизнь и снова и снова продумывала планы своих действий. Конечно, она привыкла рисковать, вся её жизнь в эти годы была по сути дела сплошным риском. И все-таки не собирается ли она на этот раз перейти через невидимую грань его допустимых пределов? Хотя с другой стороны она выполняет лишь то, что когда-то обещала сделать, и вот как честный человек приехала сюда, дабы исполнить свои обязательства. Правда, никто её об этом не просил, да и те, кому в свое время были даны обещания, вряд ли помнят о них. Какие глупости не совершает юность и если реализовывать все то, что она когда-то наметила, в чем некогда поклялась, то мир давно уже перестал бы существовать, по крайней мере, в том виде, в каком он открывается в эту минуту перед ее глазами.

Она в очередной раз взглянула на дочь. На лице Патриции по-прежнему хозяйничало недовольное выражение, она даже не смотрела по сторонам, всем своим видом выказывая крайнее возмущение из-за совершенного ею вопреки своему желанию перемещения в пространстве. Что ж, по-своему она права и имеет основание быть недовольной своей матерью. Но Патриция необходима ей, без нее ей будет непросто осуществить свои планы.

Кроме того, Патриции тоже отведена своя

почетная в них роль. Хотя какая, в чем она состоит, это не совсем ясно ей самой. Да и вообще в том, что она собирается предпринять, и не может быть ничего до конца ясным и определенным, ведь их поджидает здесь столько неожиданностей.

В гостинице им был забронирован номер, вполне комфортабельный, чистый, просторный. И это немного примирило Патрицию с окружающей её действительностью. Кроме того, за то время, что они добирались до отеля, тучи немного разомкнулись, разрешив выглянуть солнцу. Сразу же стало значительно теплее, и даже противный прохладный ветер слегка умерил свои нервные порывы.

Надин распаковала вещи и решила, что прежде чем она займется делами, ей надо все-таки поговорить немного с дочерью. Она вовсе не жаждет видеть постоянно рядом с собой ее хмурую физиономию. И кроме того, Патриция должна хотя бы немного понять, почему и с какой целью оказалась в другой стране.

— Ты хочешь есть? — спросила Надин.

— Нет, — отрицательно помотала гривастой головой Патриция.

— Это замечательно.

— Замечательно то, что я не хочу есть? Ты всегда жалуешься на то, что я мало ем.

— Замечательно то, что у нас есть немного

время поболтать, — сказала Надин по-русски.

— Что есть поболтать?

— Это значит bavarder, а не parler. Теперь ты понимаешь разницу?

— Да, это действительно большая разница, — насмешливо проговорила Патриция и отошла к окну, рассматривая открывающийся из него вид.

Надин тоже подошла к окну и обняла дочь за плечи.

— Это означает, что я приехала в страну, где родилась, где прожила ровно половину жизни.

— Но раньше я не замечала, чтобы ты проявляла к ней большую любовь.

Патриция перешла на французский, и Надин решила, что на этот раз не станет напоминать ей об их соглашении, так им будет легче общаться. А разговор предстоит довольно серьезный.

— Просто я была очень занята.

— А сейчас ты освободилась?

— Не совсем, но у меня нашлось время и на воспоминания.

— Воспоминания? — удивилась Патриция.

— Конечно. Воспоминания — это есть Родина. Ты думаешь это дома, города или еще что-то. Ты была во многих странах и могла заметить, что везде все до ужаса похоже. Единственная разница в воспоминаниях. Когда я приезжала туда, меня не связывало с этим местом

ничего. А с этой страной связывает очень много. Здесь есть люди, перед которыми у меня есть определенные обязательства. Когда-то я взяла их на себя — и вот пришло время их выполнить.

— Ты никогда мне ничего не говорила ни о каких обязательствах.

— Теперь говорю. Все надо сообщать тогда, когда наступает для этого подходящий час.

Патриция дернула вверх плечами и задумалась.

— И все же я не совсем тебя понимаю, мама.

— Но ты меня и не поймешь, если захочешь понять все сразу. Я прошу тебя об одном, прояви терпение. И ты постепенно начнешь многое видеть.

— Но объясни хотя бы, в чем моя роль?

— Но у тебя нет никакой особой роли, — едва заметно вздохнула Надин. — Ты просто будешь смотреть на то, что будет происходить, и делать то, что захочешь.

— Абсолютно все? — недоверчиво спросила Патриция.

— Ну, если ты захочешь покончить с собой или совершить убийство или ограбление или прогуляться по главной улице голой, то я, естественно, этого не одобрю, — улыбнулась Надин. — А так... Но разве я и раньше запрещала тебе что-то делать. Тем более я сама плохо представляю, как все будет складываться.

Патриция, наконец, отошла от окна и села в кресло.

— Но ты хотя бы мне объяснишь, в чем сокровенный смысл затеянного тобой деяния?

Надин села напротив дочери и достала сигареты.

— Я тоже хочу курить, — сказала Патриция.

— Пожалуйста, — протянула Надин ей пачку.

Они закурили.

— Тебе совсем скоро исполнится 18 лет. А 20 лет назад мне было чуть больше, чем тебе сейчас, мне было ровно 20 лет. Ты знаешь, за эти годы я проделала большой путь.

— О да, мама, тобою все восхищаются.

— Да, восхищаются, хотя и не все. Многие делают вид, что восхищаются, а на самом деле завидуют. А кто завидует, тот и ненавидит. А некоторые, впрочем, даже не дают себе труда делать вид, а открыто завидуют и поносят. Но я сейчас о другом. Мне хочется понять, как я прожила эти годы, и я хочу посмотреть, как прожили эти годы те, с кем свела меня юность. Разве это по-твоему неинтересно, разве это не стоит того, чтобы вернуться на 20 лет назад?

Надин внимательно смотрела на сосредоточенное, покрывшееся нежными мягкими складками лицо Патриции, которая, кажется, искренне пыталась проникнуть в сокровенный

смысл того, о чем говорит ее дорогая мать, и думала о том, что в ее словах правда и ложь, как прутья в корзине, переплетены столь тесно, что даже ей самой подчас трудно отделить одно от другого. Но сказать Патриции все до конца она пока не может да и не хочет. Все должно происходить в свое время — этому принципу научил её самый лучший учитель, из всех, которые существуют в мире, — сама жизнь. И затем она неоднократно проверяла это правило на практике и всякий раз убеждалась в его справедливости. Опасность представляет вовсе не истина, опасность возникает в том случае, если человек узнает ее в тот момент, когда внутренне он не готов к ней. А у Патриции еще много иллюзий и собственных представлений об окружающей её действительности, зачастую ничего не имеющих общего с реальной ситуацией. Если она станет одним ударом молота разрушать все эти хрупкие конструкции, как разрушают дома тяжелыми металлическими шарами, то ничего хорошего из этой затеи не выйдет; она добьется либо того, что Патриция будет отстаивать свои заблуждения с еще большим упорством, либо подобно попавшему в незнакомую местность, потеряет всякий ориентир в пространстве. Это происходит почти всегда, когда кому-то грубо и резко указывают на его неверные представления. Признать свою неправоту часто

требует гораздо большего мужества нежели в отстаивании своих ошибок. Так, в 18 лет скорей всего стала бы вести себя и она сама; молодость всегда радикальна и полна экстремизма потому что обладает массой нерастраченных сил в сочетании с отсутствием опыта и ослабленным чувством страха перед ошибочным решением. Но именно эта гремячая смесь и приводит нередко к бедам.

— А зачем тебе это нужно? — после того, как сигарета была выкурена, спросила Патриция.

— Мне нравится твой вопрос, — улыбнулась Надин. — В твоём возрасте он звучит очень естественно. А я бы даже огорчилась, если бы его ты не задала. А вот в моём возрасте естественным выглядит такое, как у меня, желание. Ты удивишься, но мне очень трудно ответить на него; когда доберешься до моих лет, ты сама легко найдешь ответ. Есть вопросы, на которых жизнь отвечает как бы сама собой. Но когда ты пытаешься это облечь в слова, то чувствуешь, что получается как-то не совсем то. С годами очень многое накапливается: сомнения в сделанном когда-то выборе, нереализованные планы, не удовлетворенные желания, амбиции, гложет любопытство — а что произошло с теми с кем ты начинала свой путь. Обогнала ты их или, наоборот, отстала, как спортсмен на беговой дорожке. Хочется сравнить их судьбы со своей. И много

другой всячины. И тебя все это мучит, не дает покоя, как зубная боль. Ты не знаешь, куда от этого деться. Тебе сложно меня понять, так как у тебя еще не может быть подобных чувств, ты их еще не накопила. Поэтому я и говорю: не старайся постигнуть все сразу, просто за всем наблюдай и участвуй по мере сил. Ты одновременно очень молодая, но уже и взрослая, и в этом твое преимущество и твой недостаток. Так как одно с другим не очень сочетается. Когда я была в твоём возрасте, то частенько не знала, как мне поступать в тех или иных ситуациях: то ли как умудренная жизненным опытом женщина, то ли как легкомысленная девчонка, которой все дозволено.

Патриция сморщила свой хорошенький носик.

— Несмотря на все твои объяснения, я очень мало поняла из того, что ты мне сказала. Но один вывод я сделала, я могу чувствовать себя свободной в своих поступках. Это так, мама?

А она во многом похожа на меня, подумала Надин, так же, как и я, любит шагать по приграничной полосе риска. Что из этого получится, знает только Бог. Но раз это фамильная черта, то стоит ли пытаться её как-то исправить. По крайней мере, её, Надин, эти качества до сих пор всегда выручали.

— Конечно, ты свободна Патриция, а как может быть иначе. Но свобода не освобождает нас

от благоразумия. Надеюсь, ты будешь помнить о нем. А теперь с сознанием выполненного долга мы можем спуститься в ресторан и познакомиться с местной кухней.

После обеда, когда они вернулись в комнату, Надин подошла к телефону и набрала свой первый московский номер. Разговор длился несколько минут, затем она положила трубку и взглянула на дочь. Патриция лежала на кровати с книгой в руках. Странная она все же девушка, первый раз в этом городе, но при этом, кажется, не испытывает никакого желания познакомиться с ним поближе. А ведь это не просто город, это город, где родилась ее мать. Впрочем, весьма похоже вела она себя и в Нью-Йорке, и в Риме, и в Токио.

— К нам скоро должен прийти гость, — сказала Надин.

— Ты хочешь, чтобы я ушла.

— Вовсе нет. Просто я тебя предупреждаю о том, что тебя ожидает в ближайший час.

Мужчина оказался высоким, статным и красивым. Надин украдкой взглянула на дочь и увидела, что пришелец произвел на нее впечатление. От недавней расслабленности и безразличия не осталось и следа, теперь она сидела в кресле, положив ногу на ногу, ее короткая юбка не без труда прикрывала окончания бедер, а взгляд Патриции ни на мгновение не выпускал из своего

фокуса незнакомца. Надин улыбнулась про себя; дочь слишком буквально восприняла её слова о том, что никто и ничего не должно стеснять ее свободы. Но в данном случае она промахнулась, это совсем не тот объект, которому следует расточать свое внимание. Хотя не одобрить вкус Патриции, как женщина много повидавшая на свете и знающая толк в сильном поле, она не может. Как жаль, что этот красавец лишь самым косвенным образом участвует в ее игре.

Мужчина говорил на хорошем французском, но Надин ответила ему на еще более хорошем русском, вызвав у того немалое удивление. Однако то ли воспитание, то ли профессиональная привычка не задавать ненужных вопросов, не позволило ему как-то выразить свое отношение к этому факту.

— Мы выполнили то, о чем вы нас просили, — сказал гость. — Пожалуйста, ознакомьтесь. — Из аташе-кейса он достал толстую папку и положил ее на стол перед Надин. Она открыла ее и стала быстро листать. Судя по всему, эти ребята проделали немалую работу, по крайней мере, ей хватит этого чтива на целый вечер и придется прихватить еще добрую часть ночи. Но она не сомневается, что справится с этой непростой задачей.

— Большое спасибо, надеюсь это хорошая

работа.

— Мы тоже надеемся на это, мадам — позволил себе улыбнуться мужчина. — Если у вас возникнут какие-нибудь пожелания, замечания или дополнительные просьбы, то мы рады будем выполнить их. — Он замолчал и выжидающе посмотрел на нее.

— Вы хотите, чтобы я расплатилась с вами прямо сейчас? — безошибочно оценила смысл его взгляда Надин.

— Если это возможно, мы были бы весьма вам признательны.

— Это возможно в том случае, если вы возьмете мой чек.

— Мы не возражаем.

Надин выписала чек и протянула его мужчине. Тот быстро взглянул на него, а затем спрятал в карман.

— Мы будем рады быть вам полезными всякий раз, когда у вас возникнет необходимость в наших услугах, — сказал мужчина. Он встал, поклонился и через секунду исчез из номера. При этом, даже уходя, насколько успела заметить Надин, он не бросил и мимолетного взгляда на голые ноги Патриции. Можно себе представить, насколько она раздосадована, мысленно усмехнулась Надин. И как хорошо умеет контролировать себя этот супермен, одобрила она

поведение своего гостя.

— Что это было за странное явление? — спросила явно заинтригованная Патриция.

— Я тебе объясню позже. Пока же могу сказать, что это мое чтение на сегодняшний вечер и может быть даже и на ночь, — кивнула она на толстую папку. — Но перед этим я тебе предлагаю прогуляться по Москве.

Несколько часов Надин и Патриция бродили по городу. Это была странная прогулка, когда, казалось, навсегда угасшие воспоминания сплошной чередой возвращались к ней, как потерянные, но чудом возвращенные деньги. Она даже и не подозревала, что ее память, словно кладовая, сохранила столько фактов, историй, впечатлений о вроде бы навсегда и безвозвратно ушедших в тину прошлого днях. Но самое удивительное, что город за 20 лет почти не изменился; все перемены, что она заметила, напоминали ей лицо, на которое нанесен грим, но который можно смыть за одну секунду. К ней даже закралась мысль: а правильно ли она поступает, что затевает всю эту историю. У нее такое чувство, что она собирается насильно вмешаться в события, к которым она не имеет по сути дела никакого отношения. Ею внезапно овладело ощущение несправедности всего того, что она собирается предпринять. Но усилием воли она прогнала его

прочь; она знает себя, такое с ней случается не впервые, но всегда затем жизнь доказывала ей, что она поступила правильно, не давая взять над ней вверх укором собственной совести. На каком основании, в конце концов, мы считаем этот наш внутренний глас более истинным, чем то, что подсказывает ей разум. Выбирая между этими двумя советчиками, она всегда отдавала предпочтение тому, что советовал ей ум. И до сих пор у нее не было причин жалеть о сделанном выборе. Так она поступит и на сей раз.

Они вернулись в гостиницу уже к вечеру, когда небо начало постепенно менять окраску с голубого на темно-синий. Надин внимательно смотрела на дочь; кажется, ей понравилась прогулка по городу, и ее рассказ о нем, и она уже так не сердится на мать за то, что она оторвала от милых ее сердцу развлечений и заставила приехать в эту совершенно чужую страну.

Они вполне мирно поужинали в ресторане и, поднимаясь обратно в номер, Надин вдруг почувствовала нетерпение: что она сейчас прочитает в этом отчете? От того, что в нем написано, зависит судьба всех её планов. Впрочем, не стоит с собой лукавить, дело гораздо глубже; все эти годы она думала о том, как произойдет их новая встреча. Почему для нее это столь важно? Причин много. И даже не во всех ей хочется себе

признаваться. Может, она позволить себе небольшое женское лукавство и сделать вид, что не вполне понимает того, что ей хотят сказать собственные чувства и желания. Хотя с другой стороны стоит ли столь примитивно обманывать саму себя? Ей ли, признанному знатоку и исследователю человеческой психологии делать вид, что она не способна разобраться в собственной душе. Конечно, все это по меньшей мере не серьезно. Но почему же тогда она так упорно держится за эти сомнительные иллюзии? От проникновения каких мыслей и чувств она хочет ими защититься? И это действительно любопытный вопрос, требующий отдельного исследования.

Она сейчас боялась одного, что дочь начнет приставать к ней с расспросами или затеет, как это она любила иногда делать, какой-нибудь бессмысленный диспут, но Патриция, по-видимому, уставшая за день от слишком частых смен впечатлений, не раздеваясь, повалилась на кровать и взяла книжку в руки. В таком случае, подумала Надин, ничего ей больше не мешает приступить к чтению. Она вдруг почувствовала, что волнуется.

Закончила она чтение поздней ночью. На соседней кровати равномерно и негромко посапывала Патриция. Надин выключила висящий над ней бра, но она знала, что даже полная темнота не поможет ей скоро заснуть. Никогда она еще не

читала столь увлекательное повествование. Хотя с точки зрения литературного стиля и формы к нему можно предъявить множество претензий, однако само содержание страниц компенсирует эти недостатки. Надо отдать должное этим ребятам из детективного агентства, они честно и даже талантливо отработали заплаченные им, прямо скажем, немалые деньги. Когда она несколько часов назад расставались с ними, легкое облачно сожаления проплыло по ее душе, теперь же она рада, что провидение направило ее именно к ним. Ею вдруг овладело нетерпение, скорее бы наступило утро, когда она сможет, наконец, приступить к выполнению своего плана. Теперь она почти не сомневается, что из этой затеи непременно вылупится нечто захватывающее, а все немалые ее затраты окупятся многократно. Впрочем, это ли для нее самое важное? Хотя, что самое важное и главное, она и сама точно не знает. И дальнейшие события как раз и должны помочь ей разобраться в этом запутанном вопросе. Но теперь она уверена, по крайней мере, в одном, что не зря вернулась в Россию. Не только потому, что тут закопаны ее корни, не только потому, что тут пролетела стремительной стрелой ее юность, не только потому, что тут остались ее друзья, но и потому, что только в этой стране возможно то, что скоро здесь с ними случится. Но вот что случится, этого

она точно не знает. Да и не должна знать. Потому что жизнь всегда неожиданна и спонтанна, её нельзя заранее расписать и спланировать, как приход и уход электричек, и что всему в ней есть свое время.

* * *

Утром они в очередной раз спустились в ресторан позавтракать. Надин внимательно наблюдала за дочерью; Патриция, кажется, уже вполне освоилась в новой для себя обстановке. Надин видела, как внимательно рассматривает она встречающихся им на пути мужчин, не делая даже исключение для обслуживающего их любезного и красивого официанта, одаривает их многообещающей улыбкой. Надин знала, что эта одна из самых любимых забав Патриции, которая приносила ей большое удовольствие, но одновременно и немало хлопот. Надин не особенно боялась этого ее развлечения, так как по опыту знала, что Патриция гораздо благоразумнее и глубже, чем кажется окружающим. В этом она, кстати, сильно походила на мать; когда Надин было столько же лет, сколько сейчас ей, она вела себя очень похоже. Ей тоже безумно нравилась эта игра, нравилось наблюдать, как попадают в расставленные ею сети друзья и поклонники, как

теряют они головы, готовые на любые поступки ради того, чтобы достигнуть желаемое. Конечно, при этом она тоже увлекалась и порою очень сильно. И все же она всегда сознавала, что все эти увлечения несерьезны, что, несмотря на кипящую в жилах кровь, она не совершит уж слишком неосторожного поступка, в последствиях которого будет долго раскаиваться. Была в ее характере какая-то черта, которая останавливала ее в решающую минуту, негромко, но повелительно говорила ей: «стоп, дальше идти опасно, надо нажать на тормоза». Потом, когда она обзавелась машиной, эта же черта характера совершенно неожиданно проявилась в ее манере водить автомобиль; она сразу полюбила быструю езду, но едва возникала на дороге какая-то опасность, едва шоссе чуть-чуть намокала всего от нескольких пролившихся капель мини дождя, когда появлялся малейший намек на возможный затор, как она тут же сбрасывала скорость до самого минимального предела и предпочитала медленно тащиться, рискуя опоздать на важную встречу, чем подвергнуть себя хотя бы гипотетической опасности. И тоже самое качество она замечает у Патриции; она старается поступать так, чтобы в любой момент можно было бы дать задний ход. И в данной ситуации ее, Надин, это весьма устраивает, так как дает дополнительные гарантии, что ничего не случится из того, о чем

затем придется долго сожалеть.

— Куда мы сегодня поедем? — спросила Патриция, доедая мороженое.

— Мы отправимся с тобой к одному человеку. — Рассказать ей что-нибудь о нем, спросила Надин себя? Пожалуй, пока не стоит, нет смысла примешивать к чистым впечатлениям дочери о нем свои суждения.

Такси доставило их в тихий переулок в центре города и остановилось возле не слишком большого двухэтажного особняка. Дом, несмотря на свои скромные габариты и более чем солидный возраст, выглядел великолепно, как будто его только что сдали под ключ; на его выкрашенном в голубую краску фасаде не было не то что ни единой трещинки, не было даже пятнышка, а вся лепнина была тщательно отреставрирована и изображала какой-то эпизод из древнегреческого мифа. Но сейчас Надин было не до того, чтобы воскрешать в памяти школьный курс по истории, гораздо больше ее заботило желание скрыть свое волнение. Она должна предстать перед ним абсолютно невозмутимой и, словно сфинкс, загадочной и уверенной в себе. Только в таком обличье она сможет вызвать у него интерес к своей персоне.

Они подошли к массивной деревянной двери, рядом с которой висела табличка, на которой вывернутыми буквами была выведена надпись:

Фирма «Надежда». Она улыбнулась про себя; это был хороший и, она дает голову на отсечение не случайный знак. Если ей сейчас удастся залезть в подсознание этого человека, то она по праву может считать себя победителем в первом проведенном ею раунде на родной земле.

Надин нажала кнопку на переговорном устройстве и громко проговорила:

— Я хочу видеть господина Олега Мохова.

— Он вам назначал встречу? — вылетел из переговорного устройства заданный мужским голосом вопрос.

— Нет, не назначал, но я специально прилетела, чтобы повидаться с ним из Франции. — Она не сомневалась, что этот аргумент должен оказать сильное воздействие на охранников, так как в России издавна почитают иностранных гостей.

— Мы сейчас выясним, сможет ли вас принять господин Мохов. Пожалуйста, скажите ваше имя.

— Мое имя ему ничего не скажет. Меня зовут Надин Клермон.

— Пожалуйста, подождите несколько минут.

— Нас не хотят пускать? — спросила Патриция, молча слушавшая этот ведущийся через переговорное устройство диалог.

— Пустят, — уверенно проговорила Надин.

Предвидение не подвело Надин. Хотя дверь

распахнулась перед ними через только минут через восемь-десять, когда они уже начали терять терпение. Они поднялись по мраморной, застеленной ковровой дорожкой лестнице в сопровождении двух рослых и широкоплечих молодых людей, которые, не таясь, стали обыскивать их взглядами.

— Господин Мохов интересуется, по какому делу вы хотите его видеть? — спросил на вид более старший из этой пары.

— Это я скажу лично ему. Но я не сомневаюсь, что он будет рад меня видеть и слышать.

— Тогда вам немного придется подождать. У него сейчас деловые переговоры.

Их провели в приемную и усадили в мягкие кожаные черные кресла. Очень красивая девушка в очень короткой юбке, даже еще более короткой, чем та, что была сейчас на Патриции, принесла им по чашечки кофе. Надин с интересом разглядывала окружающий ее интерьер. А у этого господина Мохова либо хороший вкус либо ему повезло с художником-оформителем, одобрила она увиденное. Все выполнено по деловому строго и в тоже время весьма изящно. Если бы у нее самой однажды возникла необходимость оформить свой офис, то она бы, пожалуй, все сделала в схожем стиле. Что ж, она может порадоваться за Олега.

Окажется ли и все остальное столь же безупречным. Но это она узнает, кажется, уже через минуту, подумала она, увидев, что из кабинета вышли двое мужчин.

Надин так волновалась, переступая порог кабинета Мохова, что даже слегка споткнулась на ровном месте. Она жадно разглядывала сидящего за столом человека. Да, это был он, Олег. Его лицо, конечно, немного постарело, потеряло юношескую упругость, и все же было по-прежнему таким же красивым. Волосы ничуть не поредели, они идеально лежали на голове, и она подумала, что, без всякого сомнения, Олег пользуется лаком. Подбородок все также выдавался слегка вперед, а над ним возвышался идеально прямой нос с тонкими и трепетными, словно у породистого коня, ноздрями. Мохов встал со своего места и стремительно направился в их сторону, дав тем самым возможность убедиться Надин, что время никак не воздействовало на его фигуру, она сохранила свой такой же стройный и легкий вид.

По выражению его лица Надин видела, что Олег напряженно старается вспомнить, где он видел зашедшую в его кабинет особу, но пока все его попытки воскресить воспоминания оказывались безуспешными. Жестом он предложил сесть своим гостям в кресла, сам тоже сел напротив. Он внимательно смотрел на Надин, однако когда его

взгляд переместился на Патрицию, то задержался на ней значительно дольше. Надин мысленно усмехнулась этому обстоятельству и похвалила себя за то, что прихватила в гости к Мохову дочь. Она поможет ей только одним своим молчаливым присутствием и как знать может даже оказаться её главным аргументом.

— Вы хотели меня видеть, мадам. В таком случае я перед вами и готов вас внимательно выслушать.

— Меня сейчас зовут Надин Клермон, Олег, — сказала Надин, глядя Мохову прямо в глаза. — Ты все еще меня не узнаешь? А мне все говорят, что я почти не изменилась.

— Простите, кажется, я где-то вас видел, но...

— Ты не только меня видел, но ты меня и целовал. Хотя я понимаю, что с той поры ты целовал еще массу женщин и тебе уже трудно вспомнить всех, к кому хоть однажды прижимались твои плотоядные губы. Ты всегда очень любил это занятие. Но все же я занимаю в этом списке особую строчку.

— Черт возьми, ничего не понимаю, — хмыкнул Мохов, — я действительно где-то вас видел и не исключено того, что, может быть, когда-нибудь и целовал. Но...

— Ты хочешь сказать, что это вовсе не повод для встречи. Абсолютно согласна с тобой. И я

пришла вовсе не затем, чтобы тебе напомнить о нескольких поцелуях, от которых у тебя не осталось даже воспоминаний. Я пришла к своему самому близкому и старому другу.

— Пойдите, вы говорите, что вас зовут Надин Клермон и вы живете во Франции. Бог мой, как же я мог сразу тебя не узнать. — Ну и осел! — Мохов громко расхохотался и стукнул себя по лбу. — Впрочем, — оценивающе посмотрел он на свою собеседницу, — ничего удивительного, ты шикарно выглядишь. Процветаешь?

— Процветаю, не процветаю, но на жизнь в целом не жалуясь.

— А чем ты занимаешься во Франции?

— Мелкий бизнес, до того мелкий, что не стоит даже говорить о нем. — Надин быстро посмотрела на Патрицию и увидела, что лицо дочери отразило удивление. Ничего, она потом ей объяснит.

— Ну, я чертовски рад тебя видеть. В самом деле, когда-то мы целовались с тобой и я с удовольствием сделаю тоже самое и сейчас. — Он подошел к ней и крепко, со знанием дела, поцеловал ее в губы. — А кто эта с тобой прелестная молодая особа?

— Это моя дочь, Патриция.

— У тебя не дочь, а красавица. — Мохов подошел к Патриции и поцеловал ей руку. —

Впрочем, у такой матери должна быть именно такая дочь, — любезно добавил он.

— Ты стал очень галантным, — заметила Надин.

— А что делать, приходится. Как говорят у нас, должность обязывает. — Он снова и на этот раз с удовольствием громко хохотнул. — Значит, слухи о тебе ходили верные, ты покинула нашу несчастную страну и свила себе гнездышко в прекрасной Франции?

— Да, мое гнездышко сейчас свито на французском дереве.

Мохов наморщил лоб, пытаясь что-то припомнить.

— Вспомнил! — радостно воскликнул он и стукнул себя по колену. — Тогда пронесся слух, что ты окрутила какого-то француза и удрала с ним за границу.

— Так и было. Только я не окрутила, это было взаимное чувство. И не удрала, а вполне спокойно, с соблюдением всех надлежащих формальностей уехала.

— И как твоя семейная жизнь?

— Я рассталась с мужем уже давно. Мы живем вдвоем с дочерью.

Мохов внимательно посмотрел на Надин.

— А я, как ты видишь, — сделал он широкий жест рукой, — в этой фирме, кручусь целый день,

как заводной.

— Я слышала о твоих делах. У тебя большая компания.

— Ну, уж не такая большая, — довольно засмеялся Мохов, — но и немаленькая. Между прочим, я по делам частенько заглядываю в твою Францию. Знал бы, что ты там, непременно навестил.

— Но ты только что сам сказал, что тебе было известно, что я уехала во Францию.

— Ну да, — несколько обескуражено проговорил Мохов. — Но я же забыл. А забыть — это то же самое, что и не знать. Разве не так, Надя? Или тебя называть Надин?

— Как тебе нравится, Олег? Что же касается твоего замечательного афоризма, то я с ним не совсем согласна. Если у тебя хотя бы однажды за все эти годы возникло желание меня видеть, ты бы обязательно вспомнил, где я нахожусь. И, быть может, даже отыскал бы меня.

— Ладно, сдаюсь, — поднял руки вверх Мохов, — ты положила меня на лопатки. — Но зачем ты приехала в Россию?

— Ну, например, ради того, чтобы тебя повидать и снова ощутить сладость твоего поцелуя. Как тебе эта версия?

— Вполне, — широко улыбнулся Мохов, смотря при этом на Патрицию. — И мы должны

хорошо отметить это событие. Я приглашаю вас посетить мое скромное жилище. И Алена будет очень рада тебя повидать?

— Алена? — сделала вид, что удивлена, Надин. — Ты хочешь сказать, что Алена твоя жена?

— Ах, да, ты, конечно, этого не могла знать. Мы поженились, наверное, через год после того, как ты отчалила в свою Францию. Тебя это удивляет?

— Конечно, ведь я еще не забыла, кто ей нравился.

— Ну, мало ли кто мне нравился в детском саду. Она оказалась разумной девушкой, внимательно сравнила обоих кандидатов и выбрала наиболее достойного.

— А ты случайно ничего не знаешь, где сейчас менее достойный?

— Нет, и по правде говоря, даже мысли не возникало этим поинтересоваться.

— И я так понимаю, что о всех остальных ребятах тоже.

Мохов развел руками.

— Ты же понимаешь: деловой человек.

— Да, деловому человеку всегда не до людей, даже если они самые близкие твои друзья, но при этом не участвуют в твоём бизнесе.

— Не надо, Надюша, ничего преувеличивать. Я вовсе не акула, которая заглатывает всех, кого

встречает на своем кровожадном пути. Мой девиз: ешь сам и дай покушать другим.

— А если вы деретесь за один и тот же кусок?

— Ну, тогда уж извини, его пережует тот, у кого крепче зубы. Поэтому я их так и берегу. Вот взгляни на мою пасть. — Внезапно Мохов широко открыл рот, демонстрируя коллекцию из ровных, словно выточенных на станке, белых зубов.

— Зубы у тебя просто замечательные. Хоть на конкурс: «лучшие зубы России». Жаль, что такой не проводится.

— И все остальное тоже, — довольно улыбнулся Мохов. — Слушай, а что мы все сидим, давно пора выпить за твой приезд и нашу встречу. — Он встал, подошел к бару, достал бутылку. — Купил у вас в свой последний приезд. Обожаю этот вишневый ликер. Ты как?

— Я тоже его люблю.

— А твоя красавица-дочь?

— Я выпью с вами с большим удовольствием, — впервые подала голос Патриция.

— Сейчас принесут бокалы.

Знакомая им уже красивая девушка в короткой юбке вошла в кабинет, неся на подносе хрустальные бокалы. Мохов разлил вино и взял в руки свою рюмку.

— Предлагаю выпить за нашу встречу. Ты даже не представляешь, как я тебя рад видеть, Надя.

Сколько же лет прошло с последнего раза, когда я имел счастье тебя лицезреть?

— Двадцать, Олег.

— Не может быть! — воскликнул он, и по его голосу она поняла, что впервые за всю их встречу он на мгновение перестал играть. — Черт возьми, я даже и не предполагал, что такой старый.

— Ты хочешь сказать, что я тоже уже не молода.

— Ты, Надя, это другое, — вспомнил, что надо быть галантным Мохов. — Ты стала еще красивее, чем была. Шепни на ухо рецепт.

— Рецепт прост, надо постоянно в кого-то влюбляться. И тогда ты все время чувствуешь себя молодой.

— Ну, тебе проще, ты же холостячка. А у меня семья.

— Бедный, Олег, как же тебе тяжело.

Мохов как-то странно посмотрел на Надин, выпил вино и поставил бокал на столик.

— И все же, зачем ты приехала в Россию, ты мне так и не сказала?

— Ты помнишь то лето, которое мы все вместе провели у меня на даче?

— Помню, конечно, хотя, признаюсь, довольно смутно. Это было самое сумасшедшее в моей жизни лето. Мы были молоды, как новорожденные, все были в кого-то влюблены.

— У нас с тобой был пылкий роман. Надеюсь, ты не забыл эту небольшую деталь.

— Ну что ты, это я как раз помню лучше всего. Однако что было, то прошло. Мы же не собираемся начинать все сначала.

— Как знать, — заявила Надин, улыбаясь.

Мохов в очередной раз громко и раскатисто, как весенний гром, рассмеялся.

— Жизнь во Франции пошла тебе на пользу.

— Тебе в России — тоже.

— Скажу честно, не жалею. — Мохов достал из кармана сигареты. — Ты куришь? — спросил он, протягивая ей пачку.

— Да, курю, спасибо, Олег.

— А вы, мадмуазель? — наклонился к Патриции чуть ниже, чем требовала ситуация Мохов.

— Спасибо, — поблагодарила Патриция, извлекая кончиками пальчиков сигарету из ровного сигаретного ряда.

— Нет, серьезно, — проговорил Мохов, — обволакивая себя сигаретным облаком, — все-таки, зачем ты явилась в наши края? Или это большой секрет?

— Так и быть, не стану тебя больше томить. Помнишь, тогда, мы решили, что соберемся ровно через двадцать лет и подведем итоги прожитой за эти годы жизни.

Мохов удивленно посмотрел на Надин и наморщил в обычном состоянии почти гладкий лоб.

— Что-то на самом деле было такое. Но послушай, дорогая, уж не собираешься ли ты сейчас выполнить... Но это, прости меня, несерьезно. Мало ли какую чушь мы тогда городили. Я даже сейчас вспомнил, что мы дали с тобой клятву стать мужем и женой. И что же мы должны в этом случае делать?

— Я думаю, что если мы честные, уважающие сами себя люди, то должны данную клятву выполнять.

Внезапно Мохов откинулся на кресло и громко захохотал.

— Нет, ты просто великолепна. Ничего забавнее никогда не слышал. Выходит, ты приехала для того, чтобы выйти за меня замуж?

— Не беспокойся, Олег, я не собираюсь ни за кого замуж. Я побывала там один раз там и пока с меня довольно.

— Но тогда, прости, но я ничего не понимаю. А как же клятва?

— Вот я и хочу пригласить тебя к себе на дачу, чтобы обсудить этот и другие вопросы.

— Мы там будем вдвоем?

— Почему же? Я же не могу позвать тебя одного, без твоей жены. И, кроме того, я собираюсь пригласить всех остальных наших друзей тоже.

Ведь тогда мы были все вместе.

— Знаешь, Надя, я чертовски рад был тебя видеть, но ехать на дачу к тебе никак не могу. Ты же видишь эту контору, без меня она, как ребенок без родителей. Если ты тоже занимаешься бизнесом, то отлично знаешь, до чего это хлопотливое занятие. Нет ни то, что ни одного свободного дня, даже свободной минутки. Я даже ночью вместо того, чтобы спать, думаю о делах. Иногда мне все это представляется сплошным и бесконечным кошмаром.

— Я понимаю тебя. Но ведь ты здесь не один. У тебя, наверное, есть куча заместителей. В прошлом году ты уезжал на целых полтора месяца на Канары. И ничего страшного не случилось.

Мохов с удивлением взглянул на Надин.

— Откуда тебе это известно? — с подозрением спросил он.

— Известно. Ты крупный бизнесмен, а у нас во Франции внимательно следят за их передвижением по свету. Ты не до оцениваешь свою популярность в мире, Олежек. О твоём путешествии писали наши газеты. И я радовалась, что у тебя есть возможность отдохнуть в этом райском уголке. Я тоже там иногда провожу свой отпуск.

Мохов все еще с недоверием и подозрительностью смотрел на нее, но она уже

поняла, что тщеславие — это тот рычаг, с помощью которого ей удастся управлять этим мужчиной. Конечно, до определенного предела, но пока и этого достаточно. Потом она непременно найдет другие рычаги для воздействия на этого самовлюбленного в себя человека. Интересно, поверит ли он в сказку о том, что о нем действительно писали французские газеты?

— Обо мне, в самом деле, писали. Не знал. Ты случайно не сохранила ту газету?

— Увы.

— Ну ладно. Сожалею, но я не могу принять твое приглашение. Сейчас самый пик дел. Обойдетесь на этот раз без меня. Может быть, через следующие 20 лет я присоединюсь к вам и охотно поделюсь своим богатым жизненным опытом. К тому времени я, наверное, уже подчистую выйду в тираж, и у меня не будет иного занятия, кроме как рассказывать о своем бурном жизненном пути. А пока я буду с вами только мысленно.

— Ты даже не представляешь, как ты меня огорчаешь. Я так надеялась, что многое из того, что было, повторится.

— Я тоже был бы рад кое-что повторить, дорогая. Но бизнесмен, как и раб, не принадлежит самому себе, он принадлежит своему делу. Оно-то и является его настоящим хозяином. Но я надеюсь, что мы еще увидимся. Приезжай ко мне. Алена

будет счастлива встретиться с тобой. Вот моя визитка. Предварительно позвони, и мы устроим тебе великолепную встречу. Договорились?

— Договорились, Олег. И все же я не оставляю надежду. Мой опыт говорит, что в жизни все так часто меняется.

— Никогда не говори никогда, — засмеялся Мохов. — Очень верное правило. Я тоже стараюсь его придерживаться.

— Именно, никогда.

— Честно, я был чертовски рад тебя повидать, — сказал Мохов, вставая. — Я жду тебя у себя. Вместе с твоей прелестной дочерью. Как там у вас говорят: «A bientôt».

— Ты выучил французский?

— Мне кажется, что я выучил все языки мира. Но только в очень небольших пределах.

Они снова поцеловались, но если в первый раз губы Мохова крепко вжались в ее рот, то сейчас они лишь слегка прикоснулись к нему.

* * *

Несколько минут Мохов неподвижно сидел за своим столом, смотря на дверь, за которой скрылись гости. У него было такое чувство, что его только что посетили визитеры с того света. Он давно уже трижды успел позабыть и о Надин и о

всех остальных ребятах, о том жарком лете, когда его рано пробудившаяся чувственность вдруг заговорила с ним на языке страсти. Нет, он правильно поступил, что не принял этого странного приглашения; не говоря уже о том, что он не обманывал её, дел действительно по горло. Да что он будет делать на этой старой даче? Вспоминать прошлое, выяснять, должны ли они быть верными старой клятве или её можно послать куда-нибудь подальше? Полный бред. Для него это все уже давно решено. И возраст уже не тот, когда забавляются подобными вещами. Хотя надо сказать, что Надя чертовски хорошо сохранилась, и он не прочь при других условиях приударить за ней. Тогда это была миловидная, только-только начинающая расцветать девушка, а теперь это женщина в самом высшем цветении своей красоты. И дочь у нее очень недурна собой; если бы ему пришлось выбирать, кого предпочесть: мать или ее дитя, то он оказался бы в немалом затруднении. А поэтому не стоит искушать судьбу, зачем создавать себе дополнительные трудности. Или у него и без этих француженок не хватает женщин?

Мохов вдруг подумал о жене. А вот она уцепится за предложение Нади и станет непременно уговаривать его отправиться со всей шоболой на дачу. Он сделал промашку, что пригласил Надю к себе домой. Надя — хитрая баба,

начнет действовать через Алену. Она поди уже смекнула, что это единственный способ изменить его решение. Может, отменить приглашение? Но как? Он даже по глупости не спросил, где остановилась эта парочка? Да и неудобно. Все же как никак первая любовь. Хотя с другой стороны, что из того. Первая, вторая третья. Какая, в сущности, разница? Все это осталось в давно растаявшем, как прошлогодний снег, прошлом, а все, что в прошлом, то мертво.

И все же он чувствовал, что визит прежней подруги выбил его из колеи. Во-первых, словно фонтан, забила мощная струя совершенно ненужных ему воспоминаний, а во-вторых, он никак не может изгнать из своего воображения лица Патриции. Он просто физически ощущает, как начинает закипать его кровь. Всю жизнь ему мешала его любовь к женщинам, пару раз он даже терпел немалые убытки, когда забрасывал дела из-за очередного увлечения. Не случайно же он нашел Веронику, придав ей статус постоянной своей любовницы, чтобы попытаться раз и навсегда покончить со спонтанными страстями. И вот опять его, кажется задел любовный осколок. Но черт с ним, он не собирается обращать на эту свою новую сердечную рану никакого внимания. День, другой — и она зарубцует, как неглубокая царапинка.

Его вдруг охватило раздражение. У него

действительно важные и срочные, а главное неприятные дела, а он сидит и занимается неизвестно чем.

— Пусть зайдет ко мне вице-президент, — сказал он по селектору секретарше.

В кабинет вошел вице-президент компании Михаил Сомов. В свое время Мохов долго искал себе главного заместителя и нашел его в одной конторе, где тот томился от безделья на чисто символическом окладе. Но Мохов, пообщавшись с ним, понял, что от этого парня может быть толк и толк немалый — и взял к себе. И быстро убедился, что не прогадал.

— Есть новости, — не скрывая тревоги, спросил Мохов.

— Пять минут назад пришел факс, наши партнеры требуют, чтобы мы немедленно приступили к выполнению своих обязательств и вернули бы им с обговоренными процентами деньги.

— А что с товаром?

— К сожалению, все по-прежнему, он лежит на таможне, и его не пропускают в страну. Повторяют, как припев, что неправильно оформлены документы.

— Черт, — процедил сквозь зубы Мохов. — Ты хоть понимаешь, чем это нам грозит.

Сомов пожал плечами.

— Я был с самого начала против этой сделки, — напомнил он.

— Да, я ошибся, не надо было заводить с ними дела. Но в случае удачи мы бы получили небывалый навар. Кто же знал, что товар контрабандный.

— Мы знали, — спокойно сказал Сомов.

Мохов молча взглянул на своего заместителя, и у него возникло искушение запустить в него чем-нибудь тяжелым. Он знал в себе одну черту, ему всегда было крайне трудно признаться в том, что он не прав или в том, что допустил оплошность.

— Если ты знал, что мы совершаем ошибку, то должен был меня в этом убедить.

— Я убеждал.

— Ладно. — Мохов сказал эту фразу с единственной целью, хоть таким путем выплеснуть из себя раздражение на своего заместителя. Он хорошо помнил, как убеждал его Сомов отказаться от этой рискованной затеи. — Единственный у нас выход — это тянуть время. Составь им какой-нибудь ответ, дескать возникли небольшие непредвиденные затруднения, на решение которых необходимо несколько дополнительных дней. И давно надо было завести на таможне своего человека.

— У нас был, а нового найти еще не успели. Так быстро такие дела не делаются.

— Ладно, сам знаю. Сейчас нам дорога каждая минута задержки. Поэтому отправь им факс с нашим ответом завтра.

Вице-президент ушел. Оставшись один, Мохов достал бутылку вишневого ликера, из которой недавно угощал своих прелестных посетительниц, налил вино в рюмку и выпил. Кажется, он серьезно влип, подумал Мохов. Никогда нельзя связываться с мафией. А он нарушил это святое правило. Пока он не имел с ней ничего общего, его дела шли более или менее благополучно. Его подвела жадность, сделка обещала принести ему столько, сколько он зарабатывал чуть ли не за целый год. А теперь он у них на крючке, если не удастся растаможить товары, то за свою жизнь он не поставит и ста рублей. Эти ребята церемониться не станут, принцип у них один: если не выполняешь взятых на себя обязательств, плати за это кровью. А он почему-то не испытывает никого желания возмещать таким образом понесенные этими подонками потери.

Он понял, что работать сегодня совершенно не в состоянии. Он всегда гордился тем, что его трудно выбить из колеи, но сегодня это удалось. Сначала внезапное появление Нади со своей дочерью-нимфеткой, затем факс с откровенными угрозами от его деловых партнеров. Надо немного

развеяться, иначе он окончательно скиснет. А с таким настроением из этой пиковой ситуации не выкрутиться.

Он набрал номер и проговорил в трубку: «Я скоро приеду. Никуда не уходи». Затем вышел из кабинета в холл.

— Меня сегодня не будет, со всеми делами обращаться к Сомову, — сказал он секретарше. — Затем кивнул сидящему в кресле телохранителю: — Поехали, Николай.

Они сели в машину.

— К Веронике, — бросил Мохов шоферу. «BMW» мягко тронулась с места и покатила по дороге.

Мохов то и дело поглядывал на сидевшего рядом ним телохранителя. Также как долго он подбирал себе вице-президента, также долго и тщательно он искал себе охранника, пока не остановился на этом не очень разговорчивом и совсем редко улыбающемся парне. Почему он выбрал его, этого он сказать себе доподлинно не мог, просто когда он увидел Николая, внутренний голос неожиданно ясно сказал ему: это тот человек, который тебе нужен. Он даже особенно не расспрашивал его, кто он и откуда, чем занимался до их встречи — какой в этом смысл — сказать можно все, что угодно, при желании легко сочинить самую привлекательную легенду. А раз ему

посоветовала взять к себе этого парня его интуиция, значит, надо выполнять ее указание. А своей интуиции он доверял больше, чем даже своему разуму, не говоря уж о советах и рекомендациях других людей.

— Николай, у нас появились проблемы, — негромко, чтобы не слышал шофер, произнес Мохов. — Учти это, надо быть настороже.

Николай спокойно посмотрел на него и кивнул головой. Мохов же почувствовал себя немного более уверенно; по крайней мере он как-то, но защищен. И если те решат, что с ним надо поговорить на языке пуль и гранат, то так просто им его не взять. Пусть не надеются. И все же это не выход, даже целая толпа телохранителей не может гарантировать полную безопасность своему хозяину. Нужно искать другое, более эффективное решение.

— Ты меня понял? — снова и также тихо сказал Мохов скорей не из желания напомнить своему телохранителю об его служебном долге, сколько для того, чтобы не пребывать в нервирующей его полной тишине.

— Понял, патрон, — отозвался Николай.

Мохов едва заметно улыбнулся; почему-то ему очень нравилось, что телохранитель называет его патроном. Так повелось у них с первого дня их совместной работы; это слово в их переговорный и

очень небогатый лексикон принес Николай, И оно не только прижилось, но и стало для них неким условным паролем, свидетельствующим о существовании между ними каких-то более глубоких, неформальных отношениях, которые, впрочем, до сих пор никак не проявлялись на практике.

Ехать было недолго. Машина подвезла Мохова к многоэтажной кирпичной башни. Николай открыл дверцу автомобиля, а затем поднялся с ним на лифте до квартиры. Мохов позвонил условленным звонком в дверь, и когда она открылась, и Мохов исчез в пещере квартиры, телохранитель стал спускаться на лифте вниз.

Мохов поцеловал Веронику в тугую щечку и прошел в квартиру. Эти роскошные двухкомнатные апартаменты в этом престижном доме обходились ежемесячно ему в кругленькую сумму. Но это было гораздо лучше и приятнее, чем встречаться в случайных местах.

— Как у тебя дела, миленький? — спросила Вероника. Она была в халате, который щедро распахивался при каждом ее шаге, показывая ее ног почти до бедра. Обычно эта демонстрация лучше любых ласк воспламеняла фитиль его пыла, но сейчас ему было не до того. — Я тебя сегодня не ждала.

— А кого ты ждала? — буркнул Мохов. Он

сел в кресло. — Налей мне что-нибудь выпить.

— Вишневый ликер?

— Нет, покрепче.

Вероника подала ему рюмку коньяка, положив на тарелку присыпанную сахаром дольку лимона. Он выпил и положил лимон в рот.

Она села ему на колени и привычно стала расстегивать его брюки.

— Не надо, — резко сказал он. — Сегодня я не хочу. Нет настроения, — пояснил он в ответ на удивленный взгляд девушки. И что за создание, даже не в состоянии представить, что человек может хотя бы изредка не хотеть трахаться, мысленно чертыхнулся он.

Он внимательно поглядел на нее. Он не изменил своему неукоснительному правилу и в этом случае, долго и тщательно, как скаковую лошадь, выбирая себе любовницу. Он поставил перед собой непростую задачу: найти женщину в точном соответствии со своим вкусом. И после долгих поисков отыскал её. Вероника была именно такой, какая возникала в его самых захватывающих эротических видениях: высокой и тонкой, но одновременно с пышной грудью, которая призывно подпрыгивала, словно мячик, при каждом ее шаге. При этом у нее было очень тонкое и строгое лицо, придающее ей вид аристократической недоступности. Она обладала неплохим вкусом; за

все время их знакомства он не раз не видел, чтобы она была бы плохо одета, а когда они вместе с ней подыскивали для нее очередной подарок, то его всегда поражало то, насколько безошибочно выбирала она вещь. Ну а если они изредка отправлялись куда-нибудь вместе пообедать или посмотреть модное шоу, то он с тайным удовлетворением отмечал, что практически все, причем, не только мужчины, но и женщины, не сводили с нее глаз. Правда, в начале, она разочаровала его как любовница; в постели она была, хотя и страстной или изображала из себя таковую, но уж очень неизобретательной и, как луч, прямолинейной. У нее почти начисто отсутствовала сексуальная фантазия, умение разнообразить ласки, внести в них элемент неожиданности и импровизации, и он понял, что если положение не будет изменено в самое кратчайшее время, то она ему быстро приестся, как вкусное, но слишком часто подаваемое блюдо. Пришлось открыть ему курсы по обучению её науки любви; по началу она даже не совсем понимала, что от нее хотят, но он оказался неплохим учителем, и она быстро смекнула, что от неё требуется, и даже вошла во вкус. Само собой разумеется, что содержание ее помимо платы за квартиру обходилось ему в кучу денег, но он не очень жалел о затратах; они стоили того. Без Вероники ему было бы гораздо сложнее

терпеть те физические и психологические перегрузки, которые приносил ему бизнес и вообще вся его жизнь. Все это правда не означало, что у него не было других женщин, но все эти связи были мимолетные, случайные, подобно знакомству в поезде, и он забывал об этих коротких встречах едва ли не на следующий день.

— У тебя что-нибудь случилось? — спросила Вероника, демонстрируя все своим видом, что обижена тем, что ее порыв оказался не оценен, как того он заслуживает.

— Ничего не случилось, если не считать, что немного устал. Захотелось чуть-чуть расслабиться, посидеть в приятной обстановке. Надеюсь, ты не против, если мы сегодня ограничимся только содержательной беседой?

— Как я могу быть против, ты же мой хозяин, — кокетливо сказала Вероника.

— Тем лучше. — Может, ей рассказать о том, что на самом деле привело его сюда, подумал Мохов. Нет, конечно, не стоит, ей об этом знать совсем ни к чему. Да и что он не понимает, что ей абсолютно плевать на все его тревоги и заботы. Её волнует лишь одно — будет он давать ей деньги или нет.

— Скажи, а если со мной что-нибудь вдруг случится, что ты будешь чувствовать?

Мохов поймал настороженный и

одновременно удивленный взгляд Вероники. Вопрос явно застал её врасплох, и сейчас она решала непростую задачу, как на него отвечать.

— А что с тобой может случиться?

— Ну откуда я знаю, — мгновенно наливаясь раздражением, проговорил Мохов. — Камень на голову упадет.

— На твою голову камень не упадет, — уверенно проговорила Вероника.

— Это еще почему?

— Ты же почти не ходишь пешком, все время едешь в машине.

— Ну, значит, разобьюсь в машине. Так что же ты будешь чувствовать на моих похоронах?

Он видел, что Вероника задумалась. К нему вдруг пришла несколько странная мысль: ей, поди, самой интересно узнать, что же она станет испытывать, когда к ней в эту уютную квартирку, придет известие об его гибели.

— Ну не знаю, — вытянула она губки бантиком — Буду плакать.

— Еще бы, тебе же в таком случае придется отсюда вытряхиваться. А идти тебе некуда. Или уже есть куда?

Вероника молчала, делая вид, что обижена такими ужасными и несправедливыми подозрениями. Но он знал, ни черта она не обижена, просто размышляет, к чему он клонит и

как ей себя вести в этих обстоятельствах. Ему даже стало досадно оттого, что его любовница настолько глупа, что не в состоянии скрыть ни одной своей мысли, и все они, как титры на экране, отражаются на её красивом, но пустом и гладком, словно у фарфоровой куклы, личике.

— Я почти никуда не выхожу отсюда, — со скрытым вызовом произнесла она и как-то странно посмотрела на Мохова.

— Не выходишь, так не выходишь. А может, чтобы горе у тебя было не столь великим, стоит оформить квартиру на твое имечко. — Он увидел, как радостно блеснули, словно два маленьких фонарика, ее глаза и усмехнулся про себя: а не сделать ли ему действительно такой широкий жест. Черт с этой квартирой, если сейчас все пойдет прахом, она его не спасет; ему понадобятся средства на целый порядок больше, чем можно выручить, продав это уютное гнездышко.

Теперь Вероника пристально смотрела на него, и он отлично понимал скрытый смысл этого взгляда: она всеми своими не слишком богатыми умственными возможностями силилась понять, серьезно он это предлагает или так, шутит и что надо сделать, что эта его идея воплотилась бы в жизнь в виде договора.

Вероника нежно прильнула к нему и стала мягко водить своими тонкими длинными

пальчиками по его щеке и волосам.

— Ты стал в последнее время реже приезжать ко мне, а я так скучаю без тебя, — замурлыкала она. — Противный. — Она слегка ударила его по кончику носа, а затем тут же поцеловала это место. — А я тут, бедняжка, скучаю одна и только и делаю, что гадаю, заедешь ты ко мне или нет. Ты даже запретил звонить тебе.

— У меня и без твоих звонков в офисе целый день телефон не смолкает. Не хватало только, чтобы ты еще звонила мне. Хотя вот что: если ты вдруг заметишь что-нибудь подозрительное, то сообщи мне немедленно.

— А что может быть подозрительного?

— Откуда я знаю. Может, кто-то станет крутиться тут или начнут раздаваться какие-нибудь странные звонки.

— Какие звонки?

— Ну, например, кто-то звонит, а ничего в трубку не говорит. Тогда спешит этот телефон с определителя номера и сразу сообщи мне. Ты меня поняла?

Вероника кивнула головой и снова прильнула к его груди, и он понял, что ее по-прежнему занимает лишь один вопрос: что ей надо сделать для того, чтобы он перевел бы квартиру на ее имя. По-видимому, эта мысль не будет ей давать покоя все ближайшее время. Тем лучше для неё, будет

хотя бы чем заняться на досуге. Да и весьма интересно посмотреть, что она предпримет, дабы претворить эту заманчивую идею в жизнь.

Вероника продолжала мурлыкать, словно кошечка устроившись на его коленях, и он постепенно начинал чувствовать, что успокаивается, острое опасности уже не так сильно колет его в бок. Девушка снова сделала попытку забраться рукой ему в брюки, и на этот раз он отнесся к этой ее инициативе более благосклонно. Внезапно он ощутил прилив желаний, он резко встал, донес ее на руках до кровати, а затем бросил Веронику, словно мешок, на цветастое одеяло.

Перед тем, как выйти из квартиры любовницы, Мохов позвонил в машину и дождался, пока Николай поднимется на этаж. Они спустились вниз и сели в автомобиль.

— Домой, — приказал Мохов.

Был самый час пик, когда тысячи автомобилей везли своих владельцев обратно в их жилища, а потому их машина медленно двигалась в этом густом потоке разноцветного металла и стекла, то и дело застревая в пробках. Он чувствовал себя немного спокойней, чем утром, и все же тревога не уходила, она уже прочно поселилась в нем, как в своем доме, и он понимал, что пока ситуация не разрешится благополучно, она не покинет это новое для себя обиталище. Но надежды на то, что все

закончится хорошо, у него почему-то было немного, каким-то шестым чувством он ощущал, что на этот раз до сих пор благоволившая к нему фортуна отворачивается от него. Хотя, если быть честным до конца, дело, конечно, не в фортуне, а в нем самом, он переоценил себя, потерял чувство реальности, ему стало казаться: все, что он делает, непременно должно завершиться удачей. Вот в итоге и совершил самую настоящую оплошность. Он нарушил правило, которому до сих пор следовал неукоснительно, — не ввязываться, какие бы золотые горы они не сулили, в сомнительные дела. А он легкомысленно решил, что раз ему везет постоянно, то повезет и на этот раз. А вот и не получилось. А поэтому ему следует предпринять все находящиеся в его арсенале меры предосторожности.

Он внимательно посмотрел на сидящего рядом телохранителя.

— Николай, — сказал он, я тебе прибавлю в полтора раза зарплату, но ты с этого момента должен находиться возле меня неотлучно. И днем и ночью. Скажи, ты сможешь быть рядом со мной все время? Включая и мой дом. Ты будешь спать в соседней комнате.

Несколько секунд Николай молчал.

— Да, патрон, я согласен.

— А твои домашние, они не будут жаловаться

на твое отсутствие.

— Не беспокойтесь, я улажу эти проблемы.

Кажется, с телохранителем ему повезло, золотой парень. Не случайно он сразу же обратил на него внимание. Интуиция его не подвела Правда, Николай излишне молчалив и для телохранителя чересчур углублен в самого себя. Но может быть, в его профессии это даже и хорошо, у него нет доверия к болтливым охранникам, которые пытаются установить со своими хозяевами чуть ли не панибратские отношения. А этот постоянно сосредоточен; такое чувство, что он все время готовится к отражению нападения. И все же ему следует покороче сойтись с ним, коль от проворности Николая отныне зависит его драгоценная жизнь. Если Николай будет испытывать к своему патрону еще и чувство привязанности, то свою задачу он станет выполнять с удвоенным усердием.

— Значит, ты уверен, что дома о тебе не будут беспокоиться?

— Нет, все будет нормально.

— А с кем ты живешь?

— С мамой.

— А я думал с какой-нибудь девушкой. На такого красавца они должны вешаться целыми гроздьями.

Николай посмотрел на Мохова, однако тому

не удалось прочесть по его лицу, какие чувства испытывает телохранитель от внезапно проснувшейся разговорчивости своего патрона, оно оставалось таким же спокойным, как всегда.

— У меня нет девушки, — ответил Николай.

— Вот не думал. Хотя с другой стороны в этом тоже есть своя прелесть, знаешь, как иногда от них устаешь. Хуже всякой тяжелой работы. Я понял, что женщины должны занимать в жизни мужчины строго отведенное им место и время, и если ты перебираешь этот лимит, то становишься их рабом. Мой тебе совет бывалого человека: когда знакомишься с женщиной, то сразу давай ей понять, что она никогда не будет играть в твоей жизни главную роль. Сначала они обижаются, но потом быстро примиряются со своим положением и рады тому, что получили хотя бы это. Ну а с теми редкими экземплярами, которые начинают требовать, чтобы ты отдал бы им всего себя, лучше всего расставаться, как можно раньше. Потому что если упустишь момент, то пиши пропало, больше тебе воли век не видать. Ты так не думаешь?

— Нет, — не очень неохотно отозвался Николай.

— Вот как? — искренне удивился Мохов. — А как ты думаешь?

— Я думаю, что на любовь надо отвечать любовью. А там, как получится. Если ты любишь

по-настоящему женщину, то почему бы ей и не принадлежать целиком. А иначе, какой смысл любить.

— С такими воззрениями тебе будет нелегко найти себе пару, — усмехнулся Мохов. — Могу предсказать заранее, что тебя ждет немало разочарований.

— Возможно, — согласился Николай. — Ну а вдруг повезет.

Повезет, как же, вдруг отчего-то раздражаясь, подумал Мохов. Впрочем, какое ему дело до того, как сложится личная жизнь у его телохранителя. К тому же он еще слишком молод, а в таком возрасте какие только нелепые мысли не гуляют по мозгам, особенно когда дело касается женщин. Неожиданно он вспомнил сегодняшний визит Нади и ее дочери. А он уже было совсем забыл о них, более важные проблемы почти целиком вытеснили этих посетительниц из головы. А, пожалуй, двадцать лет назад он бы рассуждал похожим, что и Николай, образом.

Наконец они пробились сквозь плотные потоки машин к дому, где жил Мохов. Он отпустил автомобиль до утра, а сам вместе с Николаем вошел в подъезд.

Алена сидела напротив включенного телевизора, но он знал, что она его не смотрит; это был своеобразный ритуал, таким образом она

сообщала ему, что она опять одна всеми брошенная и забытая. И что она в таком горестном положении оказалась не только этим вечером, но и во все другие дни и вечера тоже. Этот ее странный язык он давно изучил и старался, как можно меньше реагировать на эту необычную речь, делая вид, что не понимает ее смысла. Тем более, сегодня ему вообще не до таких «разговоров».

Когда мужчины вошли в комнату, Алена посмотрела сперва хмуро на мужа, затем удивленно на Николая.

— Николай некоторое время поживает у нас, — сообщил Мохов. — Для него надо подготовить комнату.

— Что-нибудь произошло?

— Ничего особенного, просто в очередной раз наехал рэкетеры. И я решил перестраховаться. — Говорить о подлинных причинах, почему он хочет поселить здесь Николая, он пока не собирался; если тучи будут сгущаться, то сказать ей все же придется, а пока же не стоит увеличивать её нервозность. Она и без того постоянно взвинчена.

— Это так?

— А как еще, — раздраженно пробурчал он. — Вот и Николай подтвердит.

Николай в ответ сделал какой-то неопределенный, в лучшем случае полуутвердительный кивок головой.

— Приготовь нам поесть, мы оба голодны, как волки.

— Все готово. Я только не знала, что нас будет трое, Сейчас поставлю еще один прибор.

Мохов видел, что Николай чувствует себя немного скованно; хотя он неоднократно бывал у него дома, но то были мимолетные посещения. Сейчас же ему предстояло стать, хотя и временно, их домочадцем.

— Чувствуй себя тут, как у себя дома, — сказал он Николаю. — Садись куда хочешь, бери, что хочешь, ешь, что хочешь и когда хочешь. Если возникнет желание выпить, вот бар.

— Я не пью, — сказал Николай.

— Вообще? — искренне удивился Мохов. Почему-то он был уверен, что такой крепкий бугай, как его телохранитель в свободное от охраны его особы время хлещет водку, как извозчик.

— Вообще, — подтвердил Николай.

— И молодец, — одобрил Мохов. На самом же деле он чувствовал, что внезапно выявленный им абсентеизм телохранителя несколько смущает его, ибо не вписывается в привычную для него картину. Хотя думать об этом у него сейчас нет ни времени, ни желания, других забот полон рот.

Мохов, не спеша, провел Николая на кухню. Он гордился своей квартирой, сюда они переехали два года назад, когда дела вдруг круто пошли в

гору. За эти роскошные апартаменты пришлось выложить гигантские деньги, но они стоили их, хотя иногда он думал о том, зачем им на двоих такое огромное количество квадратных метров.

Кухня блистала идеальной чистотой и порядком. Он неоднократно предлагал Алене нанять служанку, так как поддерживать порядок в такой огромной квартире, по его мнению, было немыслимым делом, но Алена всякий раз категорически отказывалась от чужих услуг и все делала сама. В конце концов, он решил, что должно же быть у нее хоть какое-то занятие и перестал настаивать на своем. Тем более, она вообще нечасто выходила из дома; за последние несколько лет они не более двух-трех раз появлялись вместе на людях. Он давно мысленно окрестил их брак странным, и когда изредка выпадала свободная минута, то задавал себе вопрос: что же все-таки с ним делать? Если бы не многочисленная череда любовниц, то, скорее всего, он бы долго не выдержал подобную совместную жизнь; но так как Алена давно уже ни о чем не спрашивала, то иногда он даже думал, что в таком супружеском союзе есть и свои преимущества и бесспорные прелести. А раз так, то нет смысла предпринимать какие-либо шаги, которые смогли бы нарушить статус-кво.

Они сели за стол. Мохов пододвинул Николаю самые аппетитные закуски. Он поднял голову и

поймал удивленный взгляд жены; та смотрела на него так, словно рядом с ней сидел незнакомый ей человек. Ну, конечно, подумал он, ей удивительна его забота о телохранителе, она считает, что он способен заботиться исключительно о себе. Вообще-то она права, но если твоя жизнь попала в зависимость от другого человека, то сделаешь для него все, вплоть до того, что ноги помоешь. Но разве ей втолкуешь эту простейшую мысль, можно не сомневаться, что она считает, что он разыгрывает перед ней очередную комедию, изображая из себя альтруиста. А он давно не был столь искренен в своих действиях, как в данную минуту.

Мохов снова посмотрел на Алену. Говорить ли ей о том, кто сегодня почтил его своим посещением? Пожалуй, нет смысла скрывать, все равно узнает, раз он по глупости дал Нади свой домашний телефон и пригласил к ним домой, то она непременно и позвонит и придет. Это дама своего не упустит.

— Знаешь, кто был у меня сегодня? Никогда не догадаешься.

— Кто же?

— Надя.

— Какая Надя?

— Надя Король.

— Не может быть!

Мохов увидел, как мгновенно переменялось ее лицо, трагическая маска, которая она носила на нем почти постоянно, слетела, и оно стало оживленным и радостным.

— Почему же не может быть, — мгновенно раздражаясь, проговорил он. — Мы же не получали с тобой известие об ее смерти. Она приехала из Франции и заявила прямо в мой кабинет.

Алена закрыла глаза.

— Я так часто думала о ней, вспоминала то наше лето.

— Она тоже его вспоминает. Она хочет, чтобы мы приехали к ней на дачу и провели бы там отпуск.

— Это было бы здорово! — с энтузиазмом воскликнула Алена.

— Я с тобой согласен, это было бы замечательно, но я вынужден был ей отказать.

— Отказать? — Голос Алены сразу же потух. — Но почему?

— Потому что хочу тебе напомнить, если ты малость подзабыла, что у меня большая фирма и очень много дел.

— Но может, мы все-таки поедem к ней хотя бы на несколько дней, я так соскучилась по Наде.

— Она обещала нас посетить, и ты сумеешь утолить свою жажду по общению с ней.

Он видел, что Алена вновь ушла в себя, стала

хмурой и неразговорчивой. Но если она думает, что таким образом может повлиять на него, то сильно ошибается, он уже давно привык к ее такому поведению и не обращает на него ровным счетом никакого внимания. Он вдруг почему-то подумал о том, что визит Нади и ее дочери ничего хорошего ему не принесет; вот уже есть первое последствие их посещения, между ним и женой стало на еще одну обиду больше. Можно не сомневаться, что она надолго запомнит ему этот отказ. Ну и черт с ней.

Мохов взглянул на Николая, который невозмутимо перемалывал белыми крепкими зубами очередной ломтик колбасы, и усмехнулся; за то время, что он проведет в его квартире, он узнает немало любопытных деталей из семейной жизни своего щедрого патрона. Достаточно сегодняшней сцены, чтобы составить о ней вполне ясное представление. А их, этих сцен, без сомнения, еще будет немало, хватит аж на несколько действий. Ну да ладно, от него не убудет, даже если Николай кое-чего поймет из того, что понимать ему вовсе не обязательно. А сейчас ему больше всего хочется спать, он сыт своими проблемами по горло и желает хотя бы ненадолго забыть о них.

* * *

Обратную дорогу из просторного кабинета

Мохова в более тесный гостиничный номер Надин и Патриция проделали почти молча. Дочь ни о чем пока не спрашивала, а мать ничего пока не объясняла. Но Надин знала, что Патриция копила вопросы и придет время она засыплет ими ее. Время это пришло после ужина. Была хорошая погода, и после очередного посещения ресторана они решили прогуляться по городу.

Они не спеша фланировали по Тверской улице и смотрели как слетали с разноцветных вывесок, словно птицы с веток, стайки всполохов света.

— Мама, у тебя действительно был с ним когда-то роман? — вдруг по-французски спросила Патриция.

Надин невольно насторожилась.

— Был, а почему это тебя удивляет. Разве тебе он не понравился?

— Он красив, — оценила внешние достоинства Мохова Патриция. — Но мне всегда казалось, что твой идеал мужчины несколько иной.

— Тебе правильно кажется, — посмотрела она на дочь, — но и он был тогда другим. Как, впрочем, и я была другой.

— И каким же он был?

— Он был идеалистом.

— Идеалистом!?

— Да, мы все были тогда идеалистами, и он в этом плане ничем не уступал другим. А что тебя

удивляет, это практически неизбежный этап развития каждого человека.

— Не знаю, я в себе что-то не ощущаю идеалистку.

— Но это вовсе не означает, что ты ею не являешься. Просто ты напугана этим словом, а на самом деле я убеждена, что в тебе совсем немало идеализма, но ты не хочешь в этом себе признаться. А жаль, в идеализме нет ничего плохого. Как нет ничего плохого в юношеских или детских суждениях, как наивны они не звучали бы. Просто все, кто их слушают, понимают, что это тот этап, который надо пережить. Впрочем, я думаю, у нас будет возможность это проверить.

— Но хорошо, а сейчас он бы тебе мог понравиться?

— Не знаю, мы так мало виделись с ним после такой долгой разлуки.

— Мама, ты же все отлично знаешь, зачем ты устраиваешь это представление?

— Но я могу ошибаться. А раз есть такая вероятность, то хочется проверить так это или не так. Или ты думаешь, что можно разгадать человека только по одной встрече с ним? — насмешливо посмотрела Надин на дочь.

— По-моему, очень часто этого вполне достаточно.

— Это в тебе говорит неопытность. Как ты

думаешь, моя дорогая дочь Патриция, тебя можно разгадать за один небольшой разговор с тобой?

— Ты же знаешь меня.

— То есть, если я правильно тебя поняла, разгадать тебя абсолютно невозможно. Так?

— Так, мама.

— Но почему же ты отказываешь в том же и другому человеку. Не считай себя сложной, а всех остальных простыми, как строение амебы. Ты просто не видишь других планов его личности. Уверяю, что если покопаться в Олеге, можно обнаружить массу самых разнообразных и прелюбопытных вещей.

— И насколько я понимаю, этими раскопками ты и собираешься заняться. Но, если мои уши меня не подвели, он отказался приехать погостить на твою дачу.

— С ушами у тебя все в порядке, но если ты думаешь, что наша партия может так просто завершиться, то ты плохо знаешь свою дорогую мать.

— Я так вовсе не думаю, мама.

— Надеюсь. Для меня было бы очень печально, если бы моя дочь столь плохо понимала свою родную мать. Но ты права в том, что задача действительно не из самых легких. Но зато и победа окажется особенно почетной.

— А что мы будем делать завтра?

— Ты все, что захочешь. А я отправлюсь еще к одному своему старому другу.

— Ты меня не возьмешь?

— Я хочу поговорить с ним одна. Почему-то мне кажется, что на этот раз твое эффектное появление пойдет только во вред. Но ты не волнуйся, у тебя еще будет возможность с ним познакомиться. Но в данном случае мне будет легче вести с ним разговор без свидетелей.

То, что она отправится к Сергею одна, она решила сразу же, едва познакомилась с посвященной ему главой из переданной ей агентством папки. Патриция только будет смущать его, при ней он не сможет быть откровенным даже в минимальной степени, а Максакову есть о чем поведать своему старому другу. Другой вопрос, захочет ли он это сделать, даже в том случае, если их беседа будет протекать один на один. Впрочем, завтра она особенно и не жаждет услышать каких-либо великих откровений с его стороны, их время еще не пришло, её вполне устроит, если он почувствует, как и когда-то доверие к ней. А, судя по его настроению, это будет не так просто добиться. Ибо скорее всего в своем нынешнем положении он не доверяет никому и стесняется буквально всех.

Была суббота, а значит, Сергею не надо идти сегодня на службу, и она его может застать дома,

так как дачи у него нет, и за город он на уик-энд не уезжает. Пока они завтракали в ресторане, Надин думала о том, как лучше ей построить предстоящий разговор, на какие нажимать кнопки, чтобы как можно вернее добиться нужного результата. Они вернулись номер, и она под села к зеркалу. Надин видела, как внимательно наблюдает за ней Патриция, но сейчас ей было немного не до нее. Она пристально всматривалась в своего бесплотного двойника и пыталась определить, в каком виде ей предпочтительнее предстать перед своим давним другом. Это не Мохов и чем скромнее она будет выглядеть, тем, пожалуй, лучше. Если она разоденется, как светская дама то, учитывая нынешнее незавидное положение Максакова, невольно станет подавлять его, вызывать, подобно инородному телу, отторжение, а этого она как раз желает меньше всего. Она хочет, чтобы он почувствовал, что они находятся друг с другом на равных, что они стоят на одной и той же или в худшем случае на соседних ступенях социальной лестницы. Пожалуй, она даже не станет накладывать грим, пусть будут заметны морщинки на шее и возле глаз; увидев эти не стираемые следы прошедших лет, Сергей будет считать, что и её, словно корабль в шторм, жизнь потрепала и поносила по своим бурным водам. Она только чуточку подкрасит губы — и достаточно.

Надин чувствовала, что волнуется, набирая номер телефона. Слушать долго гудки ей не пришлось, их сменил мужской голос. Она удивилась тому, что сразу же узнала его; она даже и не предполагала, что память сохранила в неприкосновенности его тембр. Голос Сергея почти не изменился, только стал чуточку ниже, потеряв юношескую звонкость.

— Максаков слушает, — сказал он.

— А с тобой говорит Король.

— Какой еще Король, — недовольно пробурчал Максаков. По его интонации Надин поняла, что ее собеседник явно не в настроении.

— Не какой, а какая, а потому Король — это не занимаемая должность, а к сожалению, всего лишь фамилия.

— Как вы сказали, Король? — Теперь его голос прозвучал уже по-другому, протяжно, как у человека, который быстро что-то старается вспомнить.

— Не просто Король, а Надежда Король.

— Надюша, это ты. Но этого не может быть, черт возьми.

— Разве ты меня похоронил. Я что-то не помню, чтобы ты шел бы с грустным лицом за моим гробом.

— Но, черт возьми, как ты тут оказалась, тебя же нет в этой ужасной стране. Ты, кажется,

обитаешь во Франции. Я не ошибся?

— У тебя абсолютно точные сведения, я действительно прилетела из Франции. Но теперь я в Москве и совсем близко от тебя.

— И где ты?

— Где все приезжие, в гостинице.

— Но ты могла бы остановиться у меня.

— Спасибо, Сереженька, за приглашение, но я много путешествую, и привыкла останавливаться в гостиницах. Могу тебе признаться, что здесь я чувствую себя даже более свободнее, чем в своем доме. Может, потому, что тут не надо заниматься домашним хозяйством и полно людей, которые за весьма скромные чаевые пытаются тебе услужить.

Она впервые за разговор услышала в трубке нечто похожее на смех.

— Слушай, а у тебя здесь какие-то дела? Или ты приехала просто так?

— Можно сказать, что просто так. Хотя я считаю, что повидаться со своими старыми друзьями, это и есть самое важное дело. Ты так не думаешь?

В трубке несколько секунд раздавались только неясные шорохи.

— Конечно, ты права, только не знаю, а нужно ли нам встречаться. Прошло столько лет. — Голос Максакова вдруг зазвучал как-то глухо.

— Так в этом-то все и дело, Сереженька, это и

делает нашу встречу особенно привлекательной. Разве тебе не хочется посмотреть, что со мной случилось, как из очаровательной девушки я превратилась в угрюмую и сварливую старуху.

— Ты полагаешь. Что ж, может, ты и права, — не очень уверенно согласился Максаков.

— Вот видишь, я не сомневалась, что ты со мной согласишься. Это же всегда любопытно встретиться с человеком через столько лет, узнать, как сложилась его жизнь. Мне, например, безумно интересно хоть одним глазком поглядеть на тебя. Неужели ты окажешься таким жестоким и лишишь меня этого захватывающего зрелища?

В трубке на том конце провода опять замолчали, но Надин отлично понимала, о чем сейчас думает Сергей, какое трудное решение пытается принять. Но если он кардинально не изменился — а она в этом практически уверена — то тогда она знает, что он ей сейчас скажет.

— Конечно, я чертовски буду рад тебя видеть.

— А давай, как в юности, не будем ничего откладывать. Встретимся прямо сейчас. Ты даже не представляешь, какое я испытываю нетерпение от желания увидеть тебя.

— Хорошо, только дай мне часа два. Ты меня прости, я тут по некоторым причинам не могу пригласить тебя домой. Как раз некстати затеял ремонт.

Нет у тебя, Сереженька, никакого ремонта, мысленно возразила ему Надин, просто ты стесняешься пригласить меня в свою конуру, уж слишком ты ее запустил.

— Да я и не хочу, — подыграла она ему, — сегодня отличная погода.

Помнишь, когда-то мы с тобой встречались у памятника Долгорукому. Кажется, с тех пор он так и не проскакал ни одного нового метра. Давай возобновим традицию. И ты живешь от этого места недалеко.

— Что ж, давай.

— Тогда сверим наши часы. До встречи осталось ровно два часа.

Надин положила трубку на рычажки и перевела дух. Она может себя поздравить, разговор происходил почти точно так, как она себе это и представляла. А это благоприятный знак. Она посмотрела на часы; итак в 12 часов она встретится с Сережей. Она хорошо представляет, зачем ему понадобился этот резерв времени. Что ж, поглядим, каким он явится к ней. Сереженька, Сереженька, умный, веселый, немного по-юношески задиристый и непримиримый к фальши, обману, неискренности. Что же с тобой сделала жизнь? Каким ты стал? Пожалуй, если перед кем-то она и ощущает немного вины за то, что затеяла, то это, прежде всего перед ним. Но без него она не может

обойтись, он один из ключевых фигур всей ее комбинации. Впрочем, в ней, как в хорошей пьесе, все фигуры ключевые, просто у каждого свое место, своя роль, свое предназначение.

Патриция лежала на кровати, делая вид, что читает книгу. Но Надин не сомневалась, что вместо чтения дочь внимательно прислушивалась к их разговору.

— Ты собираешься уходить? — спросила она.

— Ты же слышала, — улыбнулась Надин.

— На встречу с ним?

— Конечно.

— Хочешь дам тебе совет?

— Дочь дает матери совет. Это оригинально, но мне это даже нравится. Это говорит о том, что скоро я тебе буду окончательно не нужна и тем самым обрету полную свободу. Но я слушаю тебя.

— Я не знаю, кто он, но я чувствую, что ты пытаешься подыгрывать ему и при этом становишься не совсем естественной. Если ты слишком сильно войдешь в роль, то он может это заподозрить, и ты потеряешь его доверие. А насколько я понимаю, ты его как раз хочешь завоевать.

«А она, пожалуй, в чем-то права. Я действительно пыталась подстроиться под него, а учитывая его профессию это чревато моим возможным разоблачением. Следовательно, пока не

поздно надо срочно поменять тон разговора с ним. Хорошая актриса должна быть всегда естественной, а не играть в естественность. Для большинства людей эта тонкость так же неразличима, как они не могут отличить подлинное произведение искусства от умелой имитации под него, но Сережа способен быстро разобраться, что к чему. И тогда в чем-то убедить его окажется делом почти невозможным».

— Я принимаю твоё замечание. В молодости я мечтала о сцене, но актрисой так и не стала, дальше институтской самодеятельности не продвинулась. Может, потому, что чувствовала, что мне не хватает той самой естественности, о которой ты так мудро сейчас говоришь. Вовремя понять свои недостатки — это, значит, оградить себя от множества потрясений и разочарований в последующей жизни. Учти это обстоятельство.

— А в твою, мама, голову никогда не приходила мысль, что ум мешал тебе быть счастливой?

Надин с удивлением воззрилась на дочь; её скорей удивил не сам вопрос, а то, что он слетел именно с губ Патриции.

— А знаешь, ты в какой-то степени права. Я всегда была чересчур осторожна, и останавливала себя всякий раз, когда чувствовала, что брод через реку разведан плохо. Да это мешала подчас ощущать себя полностью на гребни волны, но зато

это же ограждало меня от последующих разочарований и опасностей. И, если быть честной, я не знаю, что лучше. И тебе, прежде чем принимать решение, советую все тщательно всегда взвешивать. Не думай, что одно мгновение стоит того, чтобы расплачиваться за него все оставшиеся дни. Счастье — это вовсе не цель жизни, чего понимают, к сожалению, очень немногие.

— Что же тогда по-твоему цель?

— А давай сейчас не будем пытаться найти ответ на этот сакраментальный вопрос. Может быть, для того, чтобы его получить, я и привезла тебя сюда. — Надин взглянула на часы. — Мне пора уже переодеваться. Лучше посоветуй, что мне одеть, чтобы выглядеть абсолютно естественной.

— Все зависит от того, какой образ ты хочешь создать.

— Простой и не слишком богатой женщины, слегка побитой жизнью, но отнюдь не сломленной до конца.

— Зная тебя, могу сказать, что перевоплотиться в этот образ для тебя будет трудная задачка.

— Так потому я у тебя и спрашиваю совета.

Выходя из гостиницы, Надин в последний раз бросила на себя взгляд в зеркало и слегка улыбнулась одними кончиками слегка накрашенных губ. Все-таки совместными усилиями

им удалось создать требуемый образ, и сейчас она меньше всего походила на жительницу города, признанного во всем мире столицей высокой моды. Но, даже упростившись, она сохраняла и шарм и элегантность. Только теперь все это стало не броским, а мягким и неназойливым, и чтобы это разглядеть, потребовался бы опытный глаз. Прежний Сергей сумел бы увидеть за ее простотой подлинную красоту и изящество. А удастся ли это сделать новому Сергею, в этом она убедится совсем скоро.

До места свидания было совсем недалеко, и она решила преодолеть это расстояние пешком. Но как ни старалась она идти медленным прогулочным шагом, к памятнику Долгорукому все равно пришла первой. Ей это не очень понравилось; было бы предпочтительнее, если бы она чуточку опоздала. И ее бы уже ждали.

Сергея она узнала сразу, задолго до того, как он подошел к ней. У нее было несколько минут, чтобы спокойно рассмотреть его, пока он не успел ее заметить. Она улыбнулась и его виду и своему предвидению. Несмотря на жару, Сергей был в клетчатом пиджаке, к шее вместо галстука прикинула шелковая косынка, в руках он держал сигарету и периодически элегантными движениями киногероя подносил ее ко рту.

Заметив Надин, он, продолжая играть свою

роль, картинно высоко вскинул руки, попутно эффектным щелчком пальцев выбросил сигарету. Затем крепко обнял Надин. В ее ноздри проник густой плотный запах не слишком дорогого одеколона, которым явно без всякой меры окропил, собираясь на встречу с ней, он себя. И ей пришлось приложить усилия, чтобы откровенно не поморщиться.

— Ты выглядишь на все десять, — сказал Максаков, разглядывая ее. — Такая же молодая и такая же красивая, как тогда. Нет, даже еще красивей.

— Ну, уж не такая молодая и тем более не такая красивая. А вот ты действительно выглядишь молодо. Мужчина в самом расцвете лет. — На самом деле это было далеко не так; хотя его лицо не очень сильно изменилось и все же когда-то тонкие черты расплылись, стали более тяжелыми. Некогда чистый и гладкий, как глянец, лоб теперь прорезали борозды, кожа на щеках сморщилась, как долго пролежавшая в кладовой яблоко, и была нездорового серого цвета.

— Нет, это просто не может быть, что я тебя снова вижу. Я уже давно на это не надеялся.

— А ты хотел меня видеть.

— Конечно. Мы же с тобой друзья.

— Но и остальные ребята тоже наши друзья. А разве ты с ними видишься?

Надин заметила, как наплыла на лицо Сергея недовольная тучка.

— Ты права, но так как-то получалось. Знаешь, как это бывает, все время что-то откладываешь на потом. Но, — внезапно оживился он, как человек нашедший убедительный аргумент в споре, — больше всего я хотел встретиться именно с тобой.

— А с Аленой? — негромко спросила она.

— А что с Аленой? Тебе же, наверное, все известно. Да я и давно обо всем забыл. С тех пор знаешь, сколько у меня было всяких Ален, — цинично усмехнулся Максаков. — Сама понимаешь, что при моей профессии — это не проблема.

— Между прочим, мне очень хотелось поговорить о твоих постановках. Я так давно не была в московских театрах. Может, ты бы меня сводишь на свой спектакль.

— Да, конечно, поговорим и о театре. Только что мы с тобой стоим. — Он огляделся; взгляд его упал на расположенное всего в несколько шагах от них небольшое летнее кафе. — Может, посидим здесь.

— С удовольствием, Сережа.

Они подошли к павильончику.

— Что тебе взять? — спросил Сергей. Считай, что здесь все твое.

— Боюсь то, что здесь есть, мне не очень надо. Да я и не голодна. Возьми тоже, что и себе.

— Тогда, если ты не возражаешь, отметим нашу встречу двумя баночками пива.

Сергей взял пиво, и они сели за столик. Максаков открыл свою банку и полностью осушил ее одним глотком. Внезапно их взгляды встретились, Максаков улыбнулся ей и небрежно отставил от себя уже пустую посуду.

— Жарко, — проговорил он. — Нет ничего лучше, чем пиво в жару.

— Жарко, — согласилась Надин, внимательно наблюдая за ним.

— Слушай, черт возьми, но я действительно очень рад, что вижу тебя, — расплылся в улыбке Максаков. — Я много раз вспоминал те дни, что мы провели вместе. До чего же мы были чудные.

— Конечно, чудные мы были, хотя с другой стороны у нас тогда было немало интересных идей. Некоторые из них мне затем сильно помогли в моей жизни.

— Да. — Теперь Максаков с некоторым удивлением поглядел на свою собеседницу. — Я об этом как-то не думал. Но знаешь, сейчас я вдруг понял, что ты во многом права. Подсознательно в моей работе я тоже нередко использовал то, о чем мы говорили тогда. Как ни странно, но все оказалось намного значительней.

— Расскажи мне, Сережа о своей работе. Это же жутко интересно.

— Да, конечно, сейчас расскажу. Ты не возражаешь, если я возьму еще пива, в такую жару меня все время тянет пить.

— Только теперь моя очередь покупать.

— Да ты что, Надюша, черт возьми. Или ты думаешь, что я не в состоянии купить пару банок пива.

— Ну что ты, у меня даже такой мысли и близко нет. — Она улыбнулась ему. — Просто я самостоятельная женщина и привыкла платить за себя сама. Это можно назвать издержками незамужнего состояния.

— А ты не замужем? А мне казалось...

— Все так и было, как тебе казалось. Но муж меня покинул, оставив одну с ребенком в незнакомой стране почти без средств к существованию. Прибавь к тому, что в то время я еще плоховато знала язык. И ты поймешь, в каком положении я оказалась.

— И что было дальше? — Голос Максакова зазвенел какими-то странными интонациями.

— Что было дальше? Об этом можно написать целый роман. Если говорить коротко, то я устояла. Сумела наладить жизнь, занялась небольшим бизнесом. Конечно, богатств больших не накопила, но просить милостыню пока мне не надо. Вот даже

на Родину появилась возможность съездить. Но говорить о моей жизни мне кажется неинтересно, процесс борьбы за выживания везде похож и везде одинаково уныл. Я не сомневаюсь, что твоя жизнь несравненно интересней, чем моя. Подумай о том, что ты можешь мне рассказать любопытного, а я пока принесу пива.

Надин смотрела, как большими жадными глотками опустошает Максаков банку; выпив ее, он вытер рукой пену с губ, после чего улыбнулся ей.

— Так что ты хочешь узнать о моей работе? — почти весело спросил он.

— То, что ты мне захочешь рассказать. Какие спектакли ты поставил?

— Ты не поверишь, но последняя моя работа была Сирано де Бержерак. Здорово, черт возьми.

— Здорово, — осторожно согласилась она.

— А где ты ставил спектакль?

— О, ты не знаешь, это совсем маленький камерный театрик. Сейчас в Москве немало таких. Но на самом деле они очень популярны, популярней, чем многие знаменитые сцены. Там, у вас за границей вам по-прежнему кажется, что подлинная театральная жизнь протекает в МХАТе, в Малом.

— А это не так?

— Да, конечно, не так, черт возьми. Там просто засохшие, как растения в гербарии,

традиции. Меня не раз приглашали туда, но я отказывался. Потому что там болото. Там традиции, а я против традиций. В театре не должно быть никаких традиций. Ты меня понимаешь?

— Не совсем, Сережа. Мне кажется, что само новаторство не может существовать без традиций, традиции — это то, от чего оно отталкивается и что преодолевает.

— А ты по-прежнему умница, Надюша. Конечно, все мы дети традиций, но мы же взрослеем. А не везде это понимают. Поэтому я сознательно ищу новые, не застывшие коллективы. Поверь, с ними гораздо интереснее работать.

— Я верю, Сереженька. Так что же Сирано де Бержерак?

— Я хотел показать, что если человек не способен разглядеть подлинную красоту в другом человеке, он неизбежно обречен на несчастье. Это наказание за слепоту.

— Неплохая идея.

— Но это только одна из идей. А тебе, в самом деле, нравится, черт возьми.

— Я же сказала неплохая идея, черт возьми, — улыбнулась Надин.

Максаков удовлетворенно рассмеялся.

— Ты даже не представляешь, как приятно встретить человека, который тебя понимает. Ты

всегда понимала меня лучше всех. Поэтому я так часто тебя вспоминал.

— А Алена, разве она тебя не понимала?

Максаков несколько секунд молча смотрел на нее.

— Наверное, понимала. Впрочем, я не помню.

Надин быстро взглянула на него, и ей показалось, что Максаков был бы не прочь еще раз осушить банку с пивом.

— Мне что-то захотелось приложиться к банке еще разочек, здесь продают очень вкусное пиво, — сказала Надин и, не слушая протестов Максакова, быстро направилась к павильону.

— Я твой должник, — сказал Максаков прежде чем перелить пиво из банки в себя. — Хорошо, — через несколько секунд удовлетворенно добавил он, и уже знакомым ей жестом вытер губы.

— Ловлю на слове, будешь моим должником, вечным должником. Тебя устраивает такая перспектива?

— Быть твоим должником, это не так уж и плохо. Мне кажется, ты из тех, кто проявляет снисходительность к своим должникам. Но я так и не понял, чем же ты все-таки промышляешь в своей Франции?

— Поверь мне на слово, по сравнению с твоей работой это настолько неинтересно и скучно, что мне даже не хочется и говорить. Прояви ко мне

милосердие, давай отложим этот разговор до другого раза. Лучше скажи, ты доволен, как сложилась твоя творческая судьба?

Максаков внимательно посмотрел на неё, при этом его губы как-то странно зашевелились, как будто он что-то говорил, но при этом не был уверен, что эти слова следует произносить вслух.

— В общем, да. Я ставлю спектакли, они имеют успех. Конечно, можно было бы делать и гораздо больше, но ты, наверное, знаешь, какое трудное у нас время. Впрочем, в этой стране трудное время практически всегда. Чтобы создать спектакль, нужно, прежде всего, достать деньги и немалые. А здешние богатеи очень неохотно раскошеляются на такие скучные и недоходные мероприятия. По-настоящему это почти никого не волнует. Приходиться идти на уловки, люди клюют на престиж, а быть спонсором постановки у нас престижно.

— А у тебя не возникало желания обратиться к Олегу, он же человек богатый.

— Откровенно говоря, нет. Да я даже и не знаю, где его найти. Пару раз видел его по ящику, он принимал участие в каких-то дурацких шоу, в которых делился своим опытом, как разбогатеть. Но не будешь же писать на телевидение с просьбой выслать его адрес.

— Знаешь, Сережа, я очень рада, что ты

остался верен своему юношескому призванию. Это случается не так часто. Природа довольно скупа в наделение людей талантами, но не многие из тех, кто получает этот дар, сохраняют его.

— В этом ты права, я сам много раз становился свидетелем того, как талантливые люди растрчивали свой талант на пустяки. В нашей среде это очень распространенное явление. Видела бы ты, сколько передо мной прошло тех, кто, несмотря на свое немалое дарование, так ничего путного и не сумел создать. Из них можно выстраивать шеренги.

— Да, я тоже наблюдала этот процесс. Правда, не в таких масштабах. Но я тебя забыла спросить, как сложилась твоя личная жизнь?

Максаков достал сигарету, закурил, окатив себя густым сизым облачком. Затем он переменял позу, положив ногу на ногу.

— Знаешь, в нашей среде с этим довольно сложно. Некоторое время походил в женатиках, но быстро понял, что эта роль не для меня. Художник должен быть свободным, а когда каждый вечер тебе надо мчаться домой, дабы подтвердить свою репутацию верного супруга, то это становится чересчур дорогой платой за счастье иметь семью. И я не жалею, что развелся. Я не ощущаю никакого одиночества, потому что я понял, что свобода человека начинается с того, что он остается один. Я

самодостаточен.

— А я вот не очень, мне все время кто-то нужен. Моя дочь Патриция жалуется, что я не отпускаю ее от себя. Но без нее я вдруг начинаю чувствовать себя ненужной, всеми забытой, как зонтик, который оставили в автобусе.

— Сочувствую тебе, Надюша. Но я так и не понял, с какой целью ты вернулась?

— Ты не поверишь, но я приехала только для того, чтобы повидать вас всех.

— В самом деле, это почти невероятно, — согласился Максаков.

— Я знала, что вы все так воспримите мои слова. Но в последнее время я часто вспоминала о том лете. Мне иногда даже стало казаться, что это было самое лучшее лето в моей жизни.

Они посмотрели друг на друга, и Надин показалось, что в глазах Максакова мелькнуло недоверие.

— Я вижу, ты мне не веришь.

Максаков вместо ответа пыхнул в нее сигаретой.

— А почему я тебе, черт возьми, должен верить, Надя. Тебя не было двадцать лет и вдруг ты неожиданно, как снег на голову, сваливаешься на нас и заявляешь, что все эти годы только и делала, что вспоминала об одном лете. Тебе не кажется, что это выглядит уж слишком невероятно.

— Нет, Сереженька, не кажется. У меня было много дел, мне выпала непростая судьба, я, словно щепка в море, была брошена одна во враждебный мне мир. И мне понадобилось много времени, чтобы сделать его для себя чуточку более комфортабельным. И когда я, наконец этого добилась, то мне захотелось вернуться к тому, что было для меня всего дороже — к своим друзьям и к своему замечательному прошлому. И, как доказательство искренности моих намерений это то, что я здесь. И я признаться не понимаю причину твоего недоверия к моим словам.

Максаков внезапно насмешливо посмотрел на нее.

— У каждого человека всегда есть масса причин для лжи. Есть люди, которые не сказали за всю жизнь ни одного слова правды.

— Что ж, пусть так. Тогда прими такое объяснение: я — стремительно стареющая женщина, которой чертовски хочется хотя бы совсем ненадолго вернуться в свою молодость. По-моему, это вполне по театральному. Тебе, как режиссеру, должно понравиться такое объяснение, здесь зародыш целого спектакля.

— В самом деле, — задумчиво произнес Максаков, — об этом можно поставить спектакль.

— Так в чем же дело, поставь.

— Что ты имеешь в виду?

— Я вас всех хочу пригласить на дачу, на ту самую дачу, где мы были двадцать лет назад. Ты приедешь?

Максаков внимательно посмотрел на нее, и она внезапно увидела, как побледнело его лицо.

— Там будут все? — спросил он.

— Все, — постаралась, как можно увереннее ответить Надин. — Так, ты приедешь?

Несколько мгновений он молчал.

— Почему бы и нет, черт возьми — небрежно проговорил он. — Я сейчас не очень занят, сама знаешь, начался мертвый сезон. Так что некоторое время можно провести у тебя на дачке.

— Ты даже не представляешь, как я рада, что ты принял мое предложение, — впервые за весь разговор совершенно искренне проговорила она. — И я так счастлива, что повидала тебя. Я позвоню тебе, как будет там все готово.

— Ладно, с этого момента начинаю ждать звонка. — Он взглянул на нее с таким видом, как будто бы не решался о чем-то ее спросить. — Послушай, а ты уверена, что там будут все?

— Ну, конечно, — сказала она, — там будут все, Сереженька.

Силуэт Надин давно уже затерялся в толпе, а Максаков продолжал смотреть в том направлении, в котором она исчезла. Наконец он словно бы очнулся, подошел к павильону и купил пиво.

Быстро откупорил банку и осушил ее одним глотком. Затем медленно побрел по улице.

Гулял он долго, долго сидел на скамейке в каком-то скверике, еще пару раз покупал банки с пивом, затем зашел в пельменную и заказал двойную порцию пельменей. Картины прошлого, словно волны на берег, без конца наплывали на него, и он то жалел, что дал обещание Наде приехать по ее зову к ней дачу, то, наоборот, его начинало жечь нетерпение от желания поскорее там оказаться. И с каждой минутой ностальгия по тем, давно казалось прочно погребенным под высоким барханом времени дням, все сильнее охватывала его. Теперь он уже не удивлялся тому, что воспоминания о прошлом заставили Надю сесть в самолет и прилететь сюда, в страну, где у нее практически никого и ничего не осталось, кроме памяти и загородного дома. На самом деле память — это как раз и есть самое ценное, чем может владеть человек. И ради нее стоит совершить и не такое дальнейшее путешествие.

Вернулся он домой вечером. Вошел квартиру и долго не зажигал света. Почему-то ему вдруг не хотелось видеть всю свою знакомую до малейших деталей убогую обстановку своего жилища. Как хорошо, что Надя не стала останавливаться у него и как хорошо, что их встреча сегодня произошла на улице. Чтобы бы подумала она, узрев всю эту

нищету и запустение. Он прошел в комнату, лег на кровать, но никак не мог заснуть. Мысли, хоровод бесконечных мыслей, словно колесо обозрение, без остановки крутился в голове, и от этой непрерывной карусели ему становилось все больше не по себе. Внезапно для самого себя он уткнулся лицом в подушку, но все равно почувствовал, как стала она внезапно мокрой.

* * *

Воскресенье — лучший день для неофициальных визитов, думала Надин, набирая телефон квартиры Моховых. Трубку сняла Алена, и это обрадовало ее, так как разговаривать с Олегом сейчас не входило в ее стратегические планы. Она вполне допускала, что он уже раскаивается, что пригласил её и Патрицию к себе в гости и постарается под каким-нибудь предлогом отменить свое приглашение. Теперь же все вставало на свои места, ибо у нее не было сомнений, что Алена будет очень рада ее звонку, и уже вечером она вместе с Патрицией будут расхаживать по шикарным хоромам ее бывшего возлюбленного.

До того самого мгновения, пока Алена не произнесла «Алло», Надин совершенно не помнила ее голос, но как только услышала первое сказанное ей слово, он тут же выплыл из памяти. Так было с

Олегом и с Сергеем, и она подумала о том, что ее поездка — это помимо всего еще и возвращение огромного пласта воспоминаний, которые, как ей еще недавно казалось, были утеряны, подобно ценным древним манускриптам, навсегда.

Но и Алена сразу же узнала голос Надин.

— Я так ждала твоего звонка, Надюша! — радостно затрепетал в трубке ее голос. — Как только Олег сказал мне про твой приезд, я не спускала глаз с телефона. Когда я тебя увижу? Мне бы хотелось как можно скорей.

— Я в твоём полном распоряжении, готова приехать по твоему зову в любую минуту.

— Тогда я сейчас посоветуюсь с Олегом. Подожди пару минуточек.

Однако совещание с мужем затянулось, и Надин, дабы скоротать минуты ожидания, даже успела выкурить сигарету. Она чувствовала волнение, так как понимала, что если Олег вынудит свою жену под каким-нибудь благовидным предлогом ее не приглашать, то на всем ее плане можно будет поставить жирный крест. О чем они сейчас говорят, может, как раз и сочиняют такой предлог.

— Мы ждем тебя вечером, — появился внезапно в трубке счастливый голос Алены. — Ты придешь?

Надин облегченно перевела дух.

— Ну, конечно же, я приду.

— И обязательно привози с собой свою дочь. Олег говорит, что она красавица. А он знает толк в таких вещах. Ты не представляешь, как мне хочется на нее посмотреть.

— Я тебе доставлю такое удовольствие, Алена.

Вместо словесного ответа Надин услышала ее радостный смех.

Вот, кто действительно мне по-настоящему рад, думала Надин, задумчиво смотря на телефон, в трубке которого еще несколько секунд назад звучал голос ее самой старой и верной подруги. Хотя с другой стороны в этой радости, пожалуй, есть даже что-то нездоровое, так радуется тяжело больной любому, даже самому незначительному утешительному сообщению. Бедная, сестрица-Аленушка — кажется, так называл ее иногда Сергей — несмотря на все сокровища ее мужа, видно живется ей не так уж сладко.

— Мы приглашены? — спросила Патриция, внимательно наблюдая за матерью.

— Да.

— К твоему красавцу Мохову?

— И к его не менее красивой супруге. Когда ты ее увидишь, то согласишься со мной, что она по-настоящему хороша собой.

— Ты хочешь сказать, что я должна буду

выглядеть лучше ее.

Надин, рассмеявшись, посмотрела на дочь.

— Пожалуй, на это будет интересно посмотреть. Я тебе предлагаю попробовать. Только предупреждаю, победить ее окажется нелегко. Конечно, она старше тебя более чем на двадцать лет, но у нее очень тонкий вкус. Когда мы дружили, я всегда завидовала тому, как она одевалась и втайне старалась учиться у нее манерам, стилю в одежде.

— Неужели она действительно выглядела лучше, чем ты? В это что-то трудно поверить.

— Увы, я не преувеличиваю. Понимаешь, чтобы мне быть хорошо одетой, я долго подбираю себе одежду, а у нее все получается само собой. То, чему мне приходится учиться, ей дано от природы. Ты улавливаешь разницу?

— Да. А на кого больше похожу в этом плане я — на тебя или на неё?

— Когда ты познакомишься с ней, попробуй сама ответить на этот вопрос. Договорились. А теперь давай подумаем, как нам лучше одеться на прием. Я знаю, Олега, он обожает пускать пыль в глаза и устроит в нашу честь что-нибудь грандиозное.

Все оставшееся до визита время они были заняты тем, что обсуждали, как им лучше одеться, тщательно по очереди, сидя перед трюмо, клали на

лица грим. Наконец, зеркало, терпеливо наблюдавшее за всеми этапами их преобразования и само пассивно участвующее в нем, отразило на своей гладкой поверхности двух хорошо одетых дам — одну средних лет и другую совсем молоденькую, но одинаково стройных и элегантных.

— Кажется, мы неплохо поработали, — проговорила Надин, с явным удовольствием разглядывая себя.

— Мне нравится, — согласилась Патриция.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Такси подвезло их к дому Моховых. По домофону Надин объявила об их прибытии. Все повторилось почти в полном соответствии с их посещением офиса Мохова; незнакомый мужской голос строго спросил, кто они такие и чего хотят и лишь после подробного разъяснения с их стороны раздался щелчок, и дверь наконец распахнулась перед ними.

Алена встречала их перед дверью в квартиру на лестничной площадке. Она бросилась навстречу госте, и через секунду они уже держали друг друга в объятиях. Из глаз Алены обильно текли слезы, и Надин, крепко прижимая к себе подругу, забеспокоилась, как бы это незапланированное обильное орошение её чела и одежды не навредило бы столь тщательно наложенному на лицо гриму.

— Какая же ты молодец, что приехала, — всхлипывая, проговорила Алена. — И до чего ты красивая, ты потрясающе выглядишь.

— Ты тоже выглядишь ничуть не хуже, — искренне ответила Надин, ибо это был тот редкий случай, когда ей не было необходимости кривить душой; ее подруга на самом деле выглядела великолепно. — А вот познакомься с моей дочерью — Патрицией.

Алена оторвалась от подруги и повернулась к девушке.

— Какая красавица. Хотя почти не похоже на тебя.

— Она похожа на отца, а он был видным мужчиной, — едва заметно усмехнулась Надин.

Алена обняла Патриция; Надин видела, что дочь немного смущена столь бурным проявлением радости со стороны хозяйки дома.

— Проходите ко мне. — Алена отворила дверь и пропустила их в квартиру.

На пороге стоял молодой человек, который внимательно, хотя и без всякой настороженности смотрел на входящих, и Надин даже на мгновение остановилась от восхищения; давно она не встречала столь великолепного экземпляра мужской породы. Она припомнила, что уже видела его при посещении офиса Олега, но тогда она почему-то почти не обратила на него внимания. И

сейчас это обстоятельство показалось ей странным; как она могла не заметить такого красавца.

— Это телохранитель моего мужа, Николай, — пояснила Алена. — А где Олег?

— Он сейчас появится, — сказал Николай, и в это мгновение, в самом деле, возник Олег. Одет он был торжественно, как на дипломатическом рауте: в великолепно сшитом смокинге, который так естественно сидел на его фигуре, что казалось, что в таком виде его обладатель и появился на божий свет.

— Олег, я знала, что ты великолепен, но сегодня ты превзошел все мои ожидания, — протянула ему руку Надин, которую Мохов поднес к своим губам. Но она видела, что при этом взгляд его направлен мимо нее и упирается прямо в Патрицию. А его, кажется, зацепило, отметила Надин. Но хорошо это или плохо для ее плана, это пока она сказать не может.

Апартаменты Мохова были почти точно такие, какими она их и представляла. Дорогостоящая мебель, мягкие ковры на полу, в длинный ворс которого, словно в песок, погружались ноги, развешенные по стенам современные картины со странными непонятными рисунками скорей всего даже их авторам. Это была постоянно действующая выставка богатства проживающих на этой заповедной территории

людей. А потому Надин без особого интереса знакомясь с развернутой экспозицией. Таких квартир за свою жизнь в разных концах света она перевидала немало, в том числе и несравненно богаче этой. Пожалуй, единственное, что вызвало у нее удивление, так это явная нехватка вкуса, которая сквозила буквально во всем. Неужели Алене настолько все тут безразлично, что она даже не замечает или не обращает внимание на окружающее её королевство вульгарности, что господствует здесь во всем?

Алена усадила Надин рядом с собой в мягкое кресло. Она не отрываясь смотрела на свою старую подругу, и Надин даже стало немного неловко от этих направленных на нее пристальных глаз.

— Ты смотришь на меня так, как будто я явилась с того света, и ты ждешь от меня рассказа, как там, не лучше ли чем здесь, и не стоит ли поскорее переселиться туда, — улыбнулась Надин.

— У меня действительно такое чувство, что ты приехала с того света. По крайней мере, из какого-то другого мира. Ты удивишься моему признанию, но я скучала все эти годы по тебе. И по всем остальным ребятам тоже.

— Но ты же замужем за одним из них, — бросила Надин первую пробную фразу.

— Да, это так, но наша жизнь мало похожа на то, что было тогда.

— Но разве она могла быть похожей. Тогда мы просто все убежали на месяц из большого мира и создали на этот небольшой срок свой маленький мирок. Как все искусственное, он не мог долго просуществовать, он должен был неминуемо уничтожен при первом же соприкосновении с реальной действительностью. И даже при всем нашем юношеском максимализме мы понимали это. Разве ты не сознавала, что все тут же изменится, как только ты покинешь дачу.

— А я не думала об этом. Я была погружена в настоящее, и мне не было никакого дела до того, что происходит вокруг. Ты же знаешь меня, — вдруг как-то виновато, словно прося прощение за то, что она такая, улыбнулась Алена.

— И все же, мне кажется, у тебя вряд ли есть основание жалеть о чем-то, — проговорила Надин, оглядывая комнату.

— Ты об этом, — каким-то сразу упавшим голосом отозвалась Алена. — Да, ты права. В этой квартире есть совершенно все для жизни. И даже многое из того, что для неё абсолютно не нужно.

— Но это тебя что-то не очень радует.

— Ко всему привыкаешь, Надя, и к богатству и к бедности.

— Посмотрела бы я на тебя, как ты стала бы привыкать к бедности, — вдруг раздался голос неожиданно выросшего перед ними Мохова. Рядом

с ним стояла Патриция, а за ее спиной возвышалась неподвижная, словно скала, громада телохранителя.

— И привыкла бы, — с полемическим задором проговорила Алена.

Мохов расхохотался.

— У моей жены — тайная мечта, она хочет пожить в бедности, попробовать на вкус, что это за экзотический фрукт. Так как все остальные фрукты она уже пробовала. Патриция, а как бы вы отнеслись к тому, если вдруг однажды окажитесь без копейки денег?

— Я тут же буду умихать или пхосить милостыню. Бедность — это ужасно. Я боюсь бедности, я не хочу бедности.

— Нормальная реакция здорового человека. А вот Алена бедности не боится. Я так думаю потому, что она не знает, что это такое.

— Я знаю. Мои родители были бедными.

— Значит, ты совершенно забыла о том, что есть бедность.

— Я хорошо помню, — с подчеркнутой настойчивостью произнесла Алена.

— Все люди стремятся к богатству, а ты стремишься к бедности. Но кто тебе мешает. Ты можешь уйти и досыта насладиться её вкусом.

Надин внимательно посмотрела на свою подругу и по выражению ее лица поняла, что подобная мысль уже давно свила себе гнездо в ее

голове.

— Хорошо, я попробую.

— Пойдите друзья, — поспешила вмешаться Надин, — не надо принимать скоропалительных решений. Всеми миру понятно, что в бедности нет абсолютно ничего хорошего и нет смысла проводить эксперимент на себе, если его результат известен заранее. Я предлагаю другой, гораздо более приятный вариант, — провести немного время на моей даче. Если вы желаете, я там могу каждому создать условия, которые он хочет. Ты — Олег, будешь жить в роскоши, а ты — Алена — среди голых стен и питаться хлебом и водой. Впрочем, если захочешь, то меня в любой момент можно будет чем-нибудь разнообразить. Например, горохом. Ну а потом, если пожелаете, можете сравнить, кому из вас повезло больше. Ну, как?

— Это было бы здорово! — воскликнула Алена. — Олег, давай поедим.

Надин ожидала, что Мохов начнет активно возражать, но вместо этого он хранил молчание, явно пребывая в задумчивости. Ей очень хотелось сейчас проникнуть в его мысли, она старалась прочитать их на его лице, но о чем он думает, догадаться не могла.

— А что это не так уж и плохо немного расслабиться на твоей дачке, — совершенно неожиданно для Надин проговорил он. —

Покупаться, половить рыбку. В твоей реке еще плавает рыбка?

— Я не проверяла, но, надеюсь, что водится. По крайней мере, двадцать лет назад она там водилась. Теперь там должны плавать дети и правнуки тех рыбок. Я вручу тебе самые лучшие спиннинги, и ты будешь с утра до вечера забрасывать их в воду.

— Заманчиво. Но мне хотелось бы отправиться как можно скорей. Сейчас у меня в делах как раз образовался небольшой перерывчик, но он скоро кончится и мне придется вернуться в офис.

Надин очень хотелось узнать подлинную причину, почему Олег переменял свое решение. Но она понимала, что сейчас он ей ничего не скажет. Может быть, этот стоящий за её спиной красавец знает о ней, но нечего надеяться, что он выдаст тайну своего шефа. Судя по его виду, он умеет хранить ее также надежно, как бронированный сейф положенные в него деньги. И все же стоит обратить внимание на этого парня. Или даже лучше натравить на него Патрицию, она заметила, что он, как, впрочем, и его шеф, не спускает с нее глаз. Конечно, тогда, когда ему кажется, что никто не следит за ним.

— Мне нужно еще несколько дней, чтобы все подготовить, Олег. Ты вытерпишь это тягостное

ожидание?

— Как-нибудь постараюсь. Но на больший срок не рассчитывай. — Он произносил эти слова своим обычным, слегка иронично-шутливым тоном, но она видела, что его глаза не смеялись, они были абсолютно серьезны и даже встревожены.

Роскошный ужин был накрыт в просторном зале. Но для Надин все дальнейшее действие уже не имело особенного значения, она добилась своей цели и теперь все остальное было ей не слишком интересно. Все, что ей хочется узнать, она узнает несколько позже, когда они приедут на дачу. Хотя она и так узнала достаточно, она поняла главное об отношениях двух ее старых друзей. И теперь ей оставалось только продумать, как воспользоваться этим обретенным знанием.

* * *

— Как тебе понравился вечер? — спросила Надин, когда они вновь сидели в машине.

— Это было великолепно, — ответила Патриция, и Надин показалось, что в словах дочери не было обычной порции иронии или её доза была значительно сокращена.

— Я заметила, что ты пользовалась успехом. Олег не отходил от тебя ни на шаг. Да и его телохранитель, кажется, не спускал с тебя глаз.

Тебе понравилось это двойное внимание?

— Да, причем, вдвойне.

Она чересчур упоена своим успехом, причем, воспринимает его совершенно серьезно, поняла Надин. Нет, ее, Надин, это никак не устраивает. Ей бы хотелось, чтобы Патриция относилась ко всему более скептически, как к забавной, но ни к чему не обязывающей игре. Ей совершенно не хочется, чтобы она кем-то по-настоящему здесь увлеклась. Её родина совсем другая страна, а её круг — совсем другие люди. И уж тем более она не желает, чтобы этим человеком оказался Олег. Он не подходит Патриции ни по возрасту, ни по семейному положению, ни по своему образу жизни. Это два совершенно разных мира, которые как две параллельных линии в неэвклидовой геометрии никогда не встречаются. Так есть и так должно оставаться и впредь.

— Ты должна понять, Патриция, все, что тут происходит и будет происходить, — это не более, чем игра. И тебе не надо этого забывать ни на минуту. И, кроме того, на самом деле успех у мужчин для женщины не должен обладать тем значением, чем мы обычно ему придаем.

— Вот как? — удивленно посмотрела на нее дочь. — Ничего подобного от тебя раньше я не слышала.

— А я сама раньше этого не понимала, —

усмехнулась Надин. — Женщина, у которой все помыслы связаны с успехом у мужчин, неизбежно становится рабой.

— Рабой мужчин.

— Да, эта была моя первая мысль. Но потом я стала размышлять дальше и поняла, что она становится рабой у самой себя. Она становится зависимой от этой мысли, от этой идеи, и если ей не везет с мужчинами, она чувствует себя глубоко несчастной. Да если даже и везет, то все равно ничего хорошего ей не светит; всю жизнь ее станет мучить подсознательный страх, что может что-либо случиться — и все в одночасье рухнет. Я только теперь поняла, что всегда мечтала избавиться от этой унижительной зависимости. Когда меня бросил твой отец, и я осталась одна без средств существования, то мною овладело противоречивое ощущение: с одной стороны я испытывала сильнейший страх, так как не знала, что мне делать дальше, но одновременно я с удивлением обнаружила, что рада оттого, что избавилась от него. Потому что это было освобождением даже не от конкретного мужчины, оказавшимся не на высоте, а от нечто гораздо более сильного и глубокого рабства. Я была одна, но я была свободна, и больше мне не надо было каждый свой шаг и поступок сопрягать с этим по сути дела чужим мне человеком. Может быть, именно в тот

момент мною овладела уверенность, что я выплыву. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ты никогда ничего мне не говорила похожего, — не сразу отозвалась Патриция. — Мне всегда казалось, что тебе не хватало рядом с тобой любящего тебя мужчину.

— А я этого и не отрицаю, — улыбнувшись, посмотрела на дочь Надин. — Мне действительно не хватало такого человека.

— Тогда я не понимаю, — решительно заявила Патриция.

— В таком случае и не надо спешить понять, поймешь чуточку позже. А сейчас лучше скажи мне, как тебе понравились твои кавалеры? Что ты думаешь о каждом из них?

— Мохов очень уверен в себе, в нем чувствуется большая сила. И это подкупает. Ему кажется, что он неотразим. Но больше всего от собственного очарования оказывается очарованным он сам. Я никогда еще не встречала столь самовлюбленного человека. Его верный оруженосец мне кажется гораздо глубже своего хозяина.

— Глубже? — удивилась Надин. — Но, по-моему, за все время он не произнес и десяти слов.

— А разве слова обязательны. Ты видела его глаза?

Надин мысленно заглянула в темные глаза молодого человека. А она, кажется, права, похвалила она про себя дочь. И в отношении Олега и в отношении этого парня. Он умеет великолепно молчать, такое ощущение, что его молчание наполняет невидимыми волнами все окружающее пространство. Если можно так выразиться, это многоречивое молчание. Будет жаль, если Олег не возьмет его с собой на дачу, ей было бы интересно понаблюдать за развитием этого сюжета.

— Так кого же из двух ты бы выбрала?

— Мама, это провокационный вопрос.

— Почему? — искренне удивилась Надин.

— Потому что они абсолютно разные. Твой Мохов нужен для хорошей жизни, а его телохранитель — для счастливой. А что лучше я пока не определила.

— И не определишь?

— Почему? — теперь удивилась Патриция.

— Потому что если ты выберешь одно, всю жизнь будешь думать о том, что упустила другое.

— Тогда как же ты мне советуешь поступить?

Но ответ Патриция не услышала, так как в эту мгновение такси остановилось, и им пришлось вылезать из машины.

Надин видела, что Патриции хотелось продолжить разговор, но развивать дальше эту тему желания у нее не было. Она вдруг почувствовала,

что немного утомилась. Надин пришла в голову мысль, что эта ее затея может оказаться гораздо опаснее, чем она предполагала. А что если Патриция всерьез увлечется Моховым, что ей делать тогда? Там, в Париже почему-то такой вариант развития событий казался абсолютно нереальным, но здесь в Москве все выглядело по-другому. Она посмотрела на дочь, которая сидела перед зеркалом и готовилась ко сну. Её нежное молодое тело просвечивалось сквозь тонкий батист ночной рубашки, и Надин попыталась взглянуть на него глазами мужчины. Да, желающих получить во временное владение и даже в безраздельную собственность это сокровище будет предостаточно. Но как огородить ее от случайных и опасных претендентов, если она сама создает такие ситуации, которые толкают Патрицию в их объятия. Над этим вопросом ей придется еще немало поломать голову.

* * *

К Чижову она решила нагрянуть без предупреждения; почему-то чутье ей подсказывало, что такой вариант наиболее предпочтительный. Не сомневалась она и в том, что договориться с ним ей будет не трудно. На чем базировалась эта уверенность, определить ей было довольно трудно,

но Надин всегда доверяла своему чутью больше, чем своему разуму. В сущности подлинным и главным своим умом она и считала интуицию; что же касается непосредственно работы серого вещества по производству мыслей, то к этому виду деятельности она относилась достаточно скептически и иронически и не придавала ей большого значения. И вовсе не оттого, что считала себя не слишком умной, наоборот, на ум она как раз никогда не жаловалась, но именно потому и не жаловалась, что не часто прислушивалась к его голосу.

Она поднялась по лестнице; навстречу ей, сломя голову, неслись кавалькады студентов, и у Надин невольно всплыли воспоминания о своей студенческой молодости. Что ей дало высшее образование, какую лепту оно внесло в ее жизнь, — это один из тех для нее вопросов, на которые ответить ей труднее всего. Что больше всего удивляло её в этой ситуации, так это то, что она самостоятельно, без всякого внешнего принуждения выбрала для себя карьеру инженера, должна была работать в пропитанном запахом металла и отработанного масла цеху. До сих пор она не может забыть, как плохо ей стало, когда будучи на практике, она впервые оказалась в огромном, с выстроившимися в ряды станками, помещении. Неужели было время, когда она всерьез

помышляла о том, чтобы вступить на это поприще. Как знать, может быть для того, чтобы никогда больше не переступить заводской порог, она и удрала из этой страны. Как бы то ни было, но жизнь смилостивилась над ней в этом вопросе и не позволила совершить роковую ошибку, уберегла от абсолютно враждебного ей мира, который рано или поздно, но непременно погубил бы ее, если не физически, то морально и духовно.

Ну, хватит воспоминаний, оборвала цепочку мыслей Надин. Она стояла перед дверью кафедры, рядом на стене висела табличка с надписью: «Заведующий кафедрой, доктор философских наук Чижов Леонид Аркадьевич». «Ну что ж, сейчас посмотрим, какой из тебя получился философ», — едва слышно проговорила она.

Она узнала его сразу, несмотря даже на то, что он стоял к ней спиной. Но эту большую голову с огромной поляной плечи, переходящую в маленькие хилые плечи, эту согбенную спину спутать ни с кем и ни с чем было практически невозможно.

— Чижик, — негромко позвала она.

Он обернулся и посмотрел на нее.

— Надя, — радостно сказал он и еще более радостно улыбнулся. — Это ты?

— Вообще-то я, хотя у философа могут быть и другое мнение на этот счет.

— В данном случае наши мнения совпадают.

— Я вижу, ты не слишком удивлен моим появлением.

— Но мы же договаривались встретиться через двадцать лет. Они прошли — и вот ты здесь. Чему же тут удивляться, все, наоборот, абсолютно закономерно.

— В самом деле, ты настоящий философ. Я даже не знаю, что тебе на это возразить.

— Если не знаешь, не возражай.

Вся кафедра, забыв про свои дела, внимательно прислушивались к их диалогу. И Надин и Чижов одновременно заметили, что оказались в эпицентре внимания.

— Пойдем, поговорим, — взял Чижов Надин за руку.

Они вышли на улицу. Неподалеку находился небольшой сквер, и они, отыскав свободную скамейку, примостились на ней.

— Неужели ты действительно ждал меня? — спросила Надин. — Откровенно говоря, даже не верится.

— Ждал.

— Но почему, зачем, у тебя своя жизнь, ты профессор, зачем тебе я?

— Понимаешь, Надюша, в некотором смысле то лето определило всю мою жизнь. — Чижов задумчиво посмотрел куда-то в даль. — Я вдруг

впервые осознал себя в каком-то совершенно новом качестве. Раньше я думал, что я — это просто я, человек, который живет, чего-то хочет, к чему-то стремится. Я не выделял себя из окружающей среды, я был одним из листиков на дереве и ничем не отличался от своих зеленых собратьев. Я даже не знал, что надо себя выделять, что я — это я — единственный и неповторимый и что моя задача — понять, в чем суть моей неповторимости.

— Но что же тебя подвинуло на сей подвиг?

— Трудно сказать. Очень многое: наши бесконечные разговоры, моя безответная любовь... Ты понимаешь, о чем я говорю.

— Понимаю, Леня. — Она дотронулась до его руки.

— Именно это чувство, вернее та боль, которую она тогда порождало, и заставило меня впервые по-настоящему ощутить самого себя. Конечно, что-то такое проскальзывало и раньше; могу тебе признаться, что больше всего на свете я тогда ненавидел зеркала, потому что они беспристрастно отражали всю мою неприглядную внешность. Разве можно было бы с такой внешностью рассчитывать, к примеру, на успех у женщин. А я же мечтал почти исключительно только об этом. И вот когда на даче я столкнулся с собственными страданиями, я вместе с ними обрел и себя. Это были очень глубокие ощущения; я

многое еще не понимал, о многом не догадывался, но уже чувствовал, что становлюсь другим. Каким другим — я еще не знал, да и меня в тот момент этот вопрос даже и не очень беспокоил, сама новизна того, что случилось, стала для меня главным событием. И именно в тот момент я осознал, что изучением этого нового своего состояния и станет основной заботой моей жизни.

— И насколько ты преуспел в этом изучении?

— Я не могу ответить тебе на этот вопрос, не потому что не хочу, а потому, что одним словом об этом мне скажешь. Я понял одну простую вещь: нельзя просто и коротко говорить о сложном и длинном. Иначе получается полная чепуха; вместо того, чтобы внести в вопрос ясность, он становится еще более запутанным.

— Ты прав, Леня, — охотно согласилась Надин и снова коснулись его запястья. — Вот поэтому мне хочется, чтобы ты порассуждал на эти темы. Я хочу собрать всю нашу кампанию вновь. И практически уже все согласны. Ты приедешь?

Она увидела, как словно два маленьких фонарика, зажглись его глаза.

— Приеду. У меня, правда, сейчас масса дел на кафедре. Но черт с ними, это гораздо для меня важнее. Скажу, что мне нужно уехать по неотложным личным проблемам.

— А если не отпустят?

— Значит, подам заявление об уходе, — решительно проговорил Чижов.

— Но стоит ли ради того, чтобы побыть несколько недель со своими старыми друзьями, ломать карьеру?

— Карьеру? — Чижов пожал плечами. — Я никогда не делал карьеры.

— А что же ты делал, ты же стал все-таки профессором, заведующим кафедры?

— Я просто жил.

Надин вдруг почувствовала, как пропал у нее интерес к разговору. Ей было приятно сидеть в этом скверике с Чижовым, ей было любопытно слушать его, но эти два удовольствия можно отложить на потом. Она получила его согласие приехать к ней, а больше ей пока ничего не нужно.

— Но ты мне ничего не рассказала, как ты жила все это время. Как у тебя дела, чем ты занимаешься?

— А важны ли такие мелочи, — улыбнулась Надин. — Что они скажут тебе обо мне? Я не собираюсь ничего от тебя скрывать, но давай отложим этот наш разговор на потом. У нас будет для него еще достаточно времени. Ты не возражаешь?

— Вовсе нет, мне даже нравится твой взгляд на такие вещи. Могу признаться, мне это действительно не очень интересует, скорей я задал

этот вопрос из вежливости.

— Я так тебя и поняла, — сказала Надин, вставая. Чижев тоже встал со скамейки и его голова теперь была на уровне ее плеч. — Жди моего звонка, Ленечка, — сказала она и, слегка наклонившись, коснулась губами его шершавой, не очень тщательно выбритой щеки.

Домой Чижев приехал на часа полтора позже, чем всегда. Обычно он переступал порог квартиры в точно отведенное время, минуту в минуту. Он шутил, что по нему, как в свое время по Канту, можно сверять часы. Такую пунктуальность он проявлял совсем не ради эпатажа, просто точность помогала выстраивать ему жизнь, четко делить ее на циклы, отрезки, промежутки, абзацы. Он знал, что коллеги уважали его за это качество, хотя за глаза нередко и подсмеивались над ним. Но на насмешки он не то не обращал никакого внимания, убеждая себя, что относится к ним абсолютно спокойно, как к неблагоприятному прогнозу погоды. Но сегодня он сломал свой привычный график; к изумлению своих сотрудников раньше обычного срока ушел с работы, а теперь вот и позже возвратился в семью. Такая задержка случилась потому, что по пути он зашел в какой-то встретившийся ему по дороге пивной бар и осушил в темном, как преисподняя, прокуренном и до омерзения замусоренном подвальчике пару кружек.

Ничего такого с ним не случилось лет 15–17, он даже не мог припомнит, когда в последний раз посещал подобные, явно предназначенные совсем не для такой, как он, публики заведения. И хотя он не был пьян, ощущал довольно сильное кружение головы.

Не успел он войти в квартиру, как к нему бросилась жена. Тут же выскочили дочери — 14 и 16 лет. Хотя они не были двойняшками, обе они чрезвычайно были похоже друг на друга и что самое печальное — и на него. И когда он смотрел на них, то неизменно ощущал свою вину за то, что именно его гены стали скульптурами лиц и фигур его детей. Девочки были такими же некрасивыми и малорослыми, как и он сам, но если для него — мужчины и философа — это было только полбеды, то для них некрасивость могла в будущем вылиться в полную жизненную катастрофу. Причем, ни та, ни другая особыми успехами в школе не блистали, а потому, когда Чижов думал о том, что их ждет впереди, у него становилось тяжело на душе.

— Что случилось?! — высоким тонким голосом воскликнула Нина. — Где ты задержался?

Чижов посмотрел на нее, не зная, как отвечать на поставленные перед ним абсолютно закономерные и в общем-то несложные вопросы. Если сказать, что он был в пивбаре, то она просто не поверит, решит, что эта самая его неудачная за

всю их совместную жизнь шутка. Но и правду говорить не хотелось, она, эта правда, принадлежит только ему, и жена не имеет к ней никакого отношения. Пока он добирался до дому, он так и не продумал линию своего поведения и сейчас вынужден был импровизировать. Но он знал, что импровизации ему всегда даются с большим трудом и получается неудачными. А потому ничего хорошего от предстоящих объяснений он не ждал.

Чижев ничего не ответил, не торопясь, снял ботинки, сунул ноги в домашние тапочки, прошел в комнату, опустился в кресло и включил телевизор. Жена проследовала за ним и, посмотрела на загоревшийся экран, затем с изумлением перевела взгляд на мужа — телевизор он смотрел также редко, как и задерживался с приходом домой.

— Леонид, что случилось, ты мне можешь ответить на простой вопрос? — Обычно дома она называла его Лене́й, и только, когда не слишком часто, они показывались вместе на людях, официально именовала его полным именем.

— Ничего не случилось, все в порядке, — отозвался он.

— Ты что думаешь, я слепая, я же вижу, что что-то произошло. Ты знаешь, тебе меня не обмануть. Когда ты задерживаешься даже на пять минут, то обязательно звонишь.

— Я не собираюсь никого обманывать, и ты

знаешь, я вообще никогда не обманываю. Дай посмотреть телевизор, очень интересная передача. — Он сделал вид, что действительно внимательно смотрит телевизор, хотя на самом деле, поглощенный своими мыслями, даже не понимал, что там происходит.

— Никакой телевизор ты смотреть не будешь, — решительно сказала жена. — Взяв пульт, она выключила его, тем самым, лишив мужа последней, хотя и эфемерной защиты. — Говори, что случилось, в чем дело?

Надо ей что-то объяснить, все равно это также неизбежно, как ночной сон, подумал он.

— По-видимому, скоро я ненадолго уеду.

— Уедешь, куда уедешь?!

До чего же она агрессивна, в каждом ее слове заключено просто невероятное количество агрессивной энергии. И на его несчастье вся она, словно тропический ливень, обрушивается на него, на тихого мягкого человечка вот уже на протяжении восемнадцати лет.

— Меня пригласили погостить, — негромко произнес он.

— Тебя, погостить. — Продолговатые и узенькие глаза Нины вдруг превратились в два почти идеальных по форме шара.

— А можно узнать, кто тебя пригласил погостить?

— Одна старая знакомая.

— А у этой старой знакомой есть имя, фамилия.

— У всех есть имя и фамилия, — неохотно ответил он.

— Но, может быть, тогда ты их назовешь, — вкрадчиво проговорила жена.

Он понимал, что приперт к стенке, потому что произнесенное имя сыграет роль выдернутого запала, после чего произойдет немедленный взрыв. Много лет назад, когда они только что поженились, и он пребывал в некой розово-голубой эйфории, что наконец-то нашлась та, которая, несмотря на его лилипутский рост и страшную физиономию, оказала ему честь стать его женой, неосторожно рассказал ей и том лете и о том сильном чувстве, которое мощными факелом зажглось тогда в нем. Уже к концу рассказа, наблюдая, как меняется выражение ее лица, он понял, что допустил непростительную ошибку, и ему не следовало приступать к этому историческому повествованию. Но ему так хотелось быть искренним, так хотелось, чтобы женщина, ставшая, по крайней мере, по своему формальному статусу самым близким ему человеком, как можно лучше представляла, чем он жил и живет. Когда он кончил свой рассказ, с ней случилась истерика, на его голову посыпался град упреков. Он стоял перед ней подавленный, не зная,

что сказать, что предпринять; все это было совершенно неразумно; разве можно ревновать к той, кого он полюбил еще до встречи с ней. Но логика тут была совершенно ни при чем, позднее он понял, что на самом деле эта была защита территории; прошлое проецировалось на будущее, его предупреждали, что если еще с ним приключится такое, реакция будет гораздо покруче.

— Так ты мне все-таки скажешь, как зовут твою старую знакомую.

— Надежда Король.

— Так я и знала, что это она, — явно удовлетворенная своими провидческими способностями произнесла жена. — Я давно ждала ее появления. Узнала, что ты стал профессором, что тебя знают за границей, что там печатают твои статьи — вот и прискакала за добычей.

Чижов удивленно посмотрел на нее, предложенная женой версия событий была для него несколько неожиданной и главное представлялась ему абсолютно нелепой.

— Это глупо, — сказал он, накаляясь.

— Тогда зачем же она явилась, не было двадцать лет, а вот теперь на те вам.

— Пришла, чтобы повидать меня, чтобы пригласить провести время на её даче. Мы все-таки старые друзья.

— Вот именно. Когда урожай созрел, она

явилась за ним.

— Это я-то урожай. Ты посмотри на меня.

— А что мне смотреть, я тебя итак всего знаю. Ты по дурацки вообразил, что ты ей нужен, твои регалии ей потребовались.

— Глупости! — Он почти физически ощущал, как наполняется, словно кувшин водой, злостью. — Ты бы видела, как она одета, как замечательно выглядит. Да мои регалии ей сто лет не нужны.

— Да женщине, особенно такого лопуха, как ты обмануть пуще простого. Лучше скажи, чем она занимается?

— Я не спрашивал. Да и какая разница, она мой старый друг — вот что для меня важно.

— Ему не важно! Какой же ты болван! Женщина хочет его увести, а он даже не понимает, что его одурачивают. А может, ты и сам не против уйти от нас. Поглядите, девочки на вашего папу, очень может быть, что совсем скоро у вас не будет больше такой счастливой возможности.

Чижов взглянул на дочерей, они сидели рядом на диване и внимательно, словно урок в школе перед контрольной, слушали разговор родителей.

— Никуда и ни к кому я не собираюсь уходить, — решительно произнес он больше для дочерей, чем для жены. — И не надо мне приписывать то, чего нет. А вот к ней на дачу я поеду. Я имею на это полное право, я хочу

повидаться со своими друзьями, которых не видел ровно двадцать лет. И никто мне запретить их увидеть не может. — Закончив тираду, он посмотрел на жену и заметил, что его уверенный тон произвел некоторое впечатление на Нину. Он подумал, что скорей всего она попытается сейчас сменить тактику. А значит, ему следует быть настороже.

— Ты поедешь на дачу. Хорошо. Ну а мы, что будем делать мы?

— Вы останетесь дома.

— Вот как, смотрите девочки, какой у нас замечательный отец. Он будет во всю развлекаться на даче, а вы будете жариться в этой жаровне-квартире. А почему бы тебе не взять нас с собой?

— Я поеду один, — сказал Чижов. — Жена права, девочкам будет хорошо на даче, но если он возьмет их с собой, то для него поездка потеряет всякий смысл. Он там, как и здесь, окажется узником своего семейства. Он много раз жертвовал своими интересами и желаниями ради них, пусть один раз они сделают то же самое ради него. Он видел, что жена готовит очередное патетическое высказывание, и решил опередить ее.

— Нина, мне надоел этот разговор, я все решил, и ты ничего не изменишь. Уже поздно, лучше давай спать. У меня завтра много дел. И

вообще, я хочу есть.

Он действительно только сейчас почувствовал голод, хотя после встречи с Надей так разволновался, что пропустил обед.

— Покорми меня, — почти приказал он.

Нина, удивленная тем, что ее такой покладистый муж, проявляет на этот раз, как ей казалось, несвойственную ему решимость, покорно поплелась за ним на кухню. Чижев же ел остывший ужин и улыбался про себя. Он удивлялся и восхищался тем, что ему удалось проявить столько твердости. Неужели в нем так сильно разгорелось желание побыть рядом с Надей, что оно буквально заставило его изменить свой характер, надеть на его мягкую, даже дряблую плоть металлическую кольчугу. Конечно, поединок им далеко еще не выигран, это только первый раунд и то, что Нина его проиграла, заставит в следующем удвоить натиск. Он знает, ее манеру вести бой, она будет искать самое уязвимое у него место, чтобы как можно сильнее нанести удар по нему. Но сегодня впервые за восемнадцать лет их супружества он понял, что вполне способен отражать ее атаки. На самом деле внутри него гораздо больше решимости, чем он предполагал. Теперь он может признаться себе, что когда входил в квартиру, то отнюдь не был уверен, что отправится в гости к Нади; сейчас же в этом он почти не сомневается. По крайней

мере, Нине будет крайне трудно заставить его отказаться от этого намерения.

* * *

Преодолев бесчисленное число заторов и пробок на городских магистралях, машина, наконец, вырвалась за черту города и, словно птица, обрадовавшись тому, что наконец оказалась на воле после долгого заточения в клетке, быстро полетела по шоссе.

Надин договорилась с Патрицией, что машину они будут вести по очереди. Пока они пробирались по запруженным улицам, за рулем сидела Надин, но сейчас они поменялись местами. Надин немного волновалась; хотя у Патриции был свой автомобиль, который она подарила ей два года назад в честь шестнадцатилетия, дочь не часто управляла им, предпочитала кататься на транспорте своих многочисленных приятелей, или пользоваться услугами такси. Но сейчас она справлялась со своей задачей вполне уверенно, и это немного успокаивало Надин.

День был отличный, солнечный и почти безветренный, и Надин, высунувшись в окошко, с удовольствием обозревала окрестности. Сейчас они ехали мимо каких-то дачных мест, и она не без удивления смотрела на проплывающие перед её

взором контрасты, когда роскошные, сложенные почему-то преимущественно из красного кирпича терема и замки, соседствовали с кривобокими и полусгнившими деревянными халупами.

Их путь был длиною в 180 километров. Предварительно вечером они внимательно изучили предстоящий маршрут по карте, измерили расстояние, прикинули время, которое им понадобится для его преодоления, и с учетом всех произведенных расчетов запаслись в буфете гостиницы продуктами и сигаретами.

Надин почему-то немного побаивалась этой поездки; здесь в Москве все было привычно и знакомо, это был просто огромный город, такой же, как и все остальные города, разбросанные на разных континентах, в которых она побывала, с привычным набором услуг, позволяющим везде одинаково чувствовать себя уютно и комфортно. Теперь же она ехала практически по чужой стране, которую почти не знала, хотя когда-то в ней и жила, но о которой и так не слишком многочисленные воспоминания почти стерлись за годы ее отсутствия на Родине. Сейчас же они постепенно начинали воскрешать, и она вдруг ясно вспомнила раннее детство и свою деревенскую со стороны матери бабушку, у которой проводила лето. Еще недавно она была твердо уверена, что эта ее ранние эпизоды детства навсегда стерлась из памяти, что

связь времен давно порвалась и никакие усилия не способны уже ее восстановить. Но оказалось, что все далеко не так, что на самом деле связь времен никогда не разрывается полностью, она лишь уходит куда-то, где-то до определенного момента затаивается. Но стоило ей лишь покинуть привычную среду обитания, и прошлое стало стремительно врываться в ее настоящую жизнь. Она вдруг почувствовала себя глубоко взволнованной; она была уверена, что навсегда научилась подавлять в себе, словно первые признаки простуды, любые проявления сентиментальности, что годы жестокой борьбы за существование научили её полностью подчинять себя поставленной задаче. Но теперь в ней вдруг возникли колебания и вызваны они были только тем, что вокруг простирались родные, но когда-то покинутые ею поля и леса, и этот однообразный и не яркий ландшафт неожиданно рождал в ней сильное чувство своей вины.

— Мне хочется, чтобы ты лучше узнала бы эту страну? — сказала Надин, поворачивая голову к дочери.

— Почему именно эту, мама? — тоже на мгновение повернулась Патриция к ней. — Чем она лучше любой другой?

— Потому что эта страна — твоя Родина.

— Но ты всегда уверяла меня, что родила

меня во Франции. Или я что-то путаю? — насмешливо произнесла Патриция.

— Ты ничего не путаешь, но я родилась здесь. И значит, эта земля тебе тоже не чужая.

— А мне всегда казалось, что для тебя не существует родной земли. Ты мне всегда говорила, что ты везде чувствуешь себя, как дома.

— Так и есть. Мне в самом деле все равно, где жить — в Париже или Нью-Йорке, но это вовсе не означает, что я не должна помнить, где родилась. Просто с этой землей у меня особенная связь.

— И когда ты это почувствовала? Прямо сейчас?

Надин вдруг подумала, что если она скажет правду, что эти ощущения и в самом деле пришли к ней именно во время этой поездки, то ее ответ прозвучит для Патриции и глупо и неискренне. Но дело в том, что именно так все оно и есть.

— Я это чувствовала всегда, просто сейчас мои чувства обострились. И я хочу тебе сказать, моя дорогая дочь, что если у тебя не будет ощущение Родины, то и весь мир тебе будет всегда казаться чужим. Ты будешь в нем лишь гостем, равнодушным к дому хозяев, которые тебя принимают. И однажды ты вдруг ощутишь внутри себя какую-то незаполненность, как будто ты потеряла нечто очень ценное для себя.

— Я так понимаю, ты делишься со мною

некоторой частью своего богатого жизненного опыта.

Надин незаметно вздохнула про себя, она не очень верила в цинизм дочери, считая его исключительно наносным и временным явлением, одной из неизбежных болезней молодости. И все же, когда сталкивались с ним, всегда испытывала некоторую растерянность, ибо не знала, как себя вести в этом случае. Хотя сейчас она понимала, что получила то, что заслужила; не стоило вообще начинать этого разговора, все равно Патриции не понять того, что она испытывает. Ностальгия, как особое состояние души, возникает только в определенном возрасте, когда человек начинает грустить об утраченной молодости, и тоска по Родине становится спутником и еще одним проявлением этого чувства.

— Ты права, — сказала Надин, — это, в самом деле, мой опыт, а тебе нужен свой.

— Какой же вывод, — насмешливо скривила губы Патриция, — будем ждать двадцать лет. И однажды я приду к тебе; ты будешь сидеть в кресле, на глазах твоих будут толстые очки, ты будешь одним глазом вязать кофточку, а одним смотреть телевизор, я же брошусь тебе на грудь с рыданием и сквозь слезы признаюсь, что тоскую по Родине. И попрошу немедленно свезти меня туда.

— Если я тебе скажу, что я отнюдь не

исключаю, что когда-нибудь произойдет похожая сцена, то рискую, что на меня обрушится холодный ливень твоего сарказма. Но давай подождем, осталось же ждать всего ничего, каких-нибудь жалких двадцать лет.

Несколько раз они проскакивали нужные повороты, но какой-то внутренний сигнал предупреждения вдруг срабатывало в Надин, подсказывая ей, что они сбились с пути. Она просила Патрицию остановить машину, они склонялись над картой и возвращались назад, чтобы выбраться на нужную им дорогу. Поэтому хотя они и выехали рано утром, но на место подъехали с опозданием, только к обеду.

Они остановили машину в большом селе, которое раскинулось на берегу озера. Им еще предстояло преодолеть последний участок пути и попасть на остров, который соединял с берегом паром. Но до его прихода оставалось полчаса, и это время они решили посвятить святому делу принятия пищи.

Они неторопливо шагали вдоль старых монастырских стен. Когда-то мощные и сильные укрепления теперь зияли многочисленными провалами и прорехами, которые были лишь ради формальности заложены деревянными досками. Правда, кое-где были разбросаны строительные материалы, что свидетельствовало о том, что

монастырский комплекс все же пытаются реставрировать. Но следов этой реставрации найти было нелегко.

Надин плохо представляла монастырские порядки и не знала, можно ли свободно встречаться с проживающими здесь добровольными затворниками. Они постучали в ворота, тяжелая дверь не спеша поползла в сторону, и из нее выглянул молодой мужчина, как и положено монаху, в черном длинном одеянии.

— Скажите, могу ли я видеть Александра Анина, он здесь послушник. Мы приехали издалека, нам нужно поговорить с ним по важному делу, — добавила Надин, дабы её просьбы выглядела более убедительней.

— Проходите, — сказал монах.

Оказавшись на территории монастыря, Надин внимательно осмотрелась вокруг. Везде царило мерзость запустения, практически все постройки пребывали в полуразрушенном состоянии. Прямо перед ней высилась громада большого собора; когда-то это было величественное сооружение, сейчас же штукатурка целиком обсыпалась, обнажив старый выцветший кирпич, крыша представляла собой покрытую растительностью лужайку вплоть до небольших деревьев. Железный крест венчал только главный купол, остальные же купола не были даже покрыты жестью.

Монах привел их в какую-то комнату и посадил на единственно стоящую тут скамейку.

— Я пойду за ним, — сказал монах, прежде чем удалиться.

Даже, если Саше вдруг приспичило стать монахом, почему он избрал этот нищий, полуразрушенный монастырь, думала Надин. В этом, безусловно, тоже есть какой-то свой смысл. Хотя это похоже на него; если уж унижаться, то по полной программе. Он сам наложил на себя это суровое наказание. Что ж, ему видней.

Протяжно, словно жалуясь на судьбу, скрипнула дверь, и на пороге появился высокий статный мужчина с небольшой, аккуратно подстриженной бородой. И в ту же секунду перед мысленным взором Надин возник юноша: красивый, высокий, сильный, всегда щегольски одетый, смотрящий слегка иронично на собеседника. Между этими двумя образами казалось почти не было абсолютно ничего связующего, и все же это были ипостаси одного и того же человека.

Анин приблизился к ней, спокойно, без всякого удивления, посмотрел на нее, затем взял ее руку и сжал в своей ладони. И Надин ощутила шершавое прикосновение его кожи.

— Здравствуй, Надюша, — ровным, почти без всякой интонации голосом произнес он.

— Здравствуй, Саша. Ты не удивлен моим приездом.

— Я ждал тебя.

— Ждал?

— Да, ждал. Я знал, что ты должна скоро появиться.

— Но откуда ты мог об этом знать здесь. — Она провела свой взгляд по голым стенам.

— Мне сообщил об этом Бог. Да я и сам помнил о нашем уговоре.

— Но прошло столько лет. Многие о нем забыли.

— Я помнил все время.

— Тогда ты знаешь, зачем я сюда приехала.

— Знаю, ты здесь для того, чтобы позвать меня снова оказаться там, где я был двадцать лет назад.

— Ты прав. А ты можешь поехать.

— Я не принял постриг, я — только послушник и могу уйти отсюда в любую минуту. Я уже договорился, что буду недолго отсутствовать. Так что, как видишь, с моей стороны проблем нет. — Впервые за весь их разговор на лице Анина показалось нечто похожее на улыбку. Он сел рядом с ней на скамейку. — Тебе хочется, наверное, о многом спросить. Спрашивай.

— Хочется, но я, если честно сказать, даже не знаю, какой тебе вопрос задать первым. Это так

неожиданно встретить тебя именно здесь. Должно очень многое случится, чтобы ты принял такое решение.

— Да, это так. В двух словах не объяснишь, а долго разговаривать я не могу. Я работаю. У нас тут небольшая столярная мастерская, мы делаем мебель. Самую простую. Скамейки, табуретки, иногда гробы. Вот эту скамейку, на которой мы сидим, делал лично я. Мы получили сейчас срочный заказ. Если его не выполним, то монастырю не на что будет жить.

Невольно Надин взглянула на его сильные грубые руки. Анин поймал ее взгляд и тоже посмотрел на них.

— Пока я сюда не попал, я даже не представлял, что оказывается могу быть неплохим столяром.

— А разве тебе не жалко твоей прежней профессии.

— Представь себе, не жалко. Поверь, быть столяром ничуть не хуже, чем хирургом.

— Но ты же был не просто хирургом, ты был знаменитым хирургом, асом.

— А какое это имеет значение, сейчас я послушник и столяр, И, надеюсь, скоро приму постриг. Тебе повезло, если бы ты приехала через месяц другой, то я бы уже не принял твоего приглашения.

— Мне всегда в жизни везет, Саша. Как ты думаешь, почему?

— Это значит, что ты еще не прогневила Бога.

— А есть такая опасность?

— Она есть всегда. — Анин внимательно посмотрел на неё. — Я не знаю, зачем ты приехала к нам, зачем хочешь нас собрать, но я надеюсь, что твои намерения чисты.

— А если, предположим, не совсем чисты. Тогда ты не приедешь?

— Приеду. Мой приезд не зависит от твоих намерений. Но ты примешь грех на свою душу. Не делай это, Надя. Никогда не играй с грехом, как бы ни был силен соблазн. Одолей соблазн греха, не дай ему завладеть твоей душой. И затем, как пройдет искушение, ты будешь безмерно благодарна самой себе и Господу Богу.

— Ты прямо говоришь, как священник.

— Но я, надеюсь, им скоро стану. Хотя на самом деле я говорю с тобой, как друг.

— Да, я знаю, спасибо тебе. Но у каждого свой путь. Разве не так?

— Путь у всех один. Тропинки разные.

— А это не одно и то же?

— Нет, не одно и то же. Бог всех ведет к единой цели, но каждый выбирает к ней дорогу в силу своего разума.

Надин вдруг почувствовала укол

враждебности к Анину. Даже если человек становится монахом, это еще не повод для того, чтобы читать проповеди всем подряд. И особенно тем, кто его об этом не просит. Нет ничего проще, чем учить других, но практика свидетельствует о том, что те, кто это делают, сами нечасто следуют путем собственных увещаний.

— Кстати, познакомься, это моя дочь, Патриция. — Надин взглянула на Патрицию, и увидела в ее глазах откровенно насмешливые огоньки.

— Я рад нашему знакомству, — сказал Анин, пожимая руку девушки. — Вы очень красивы.

— А хазве монахи имеют права обхашать внимание на женской кхасоту, — спросила Патриция. — Я думала, что при встхеча с женщиной вам надо смотхеть в стохону или вниз.

— Я еще не монах и в сторону смотреть вовсе не обязательно даже монаху. В сторону смотрят те, кто боятся соблазна.

— А вы не боятся соблазна.

— Надеюсь, что уже не боюсь соблазна, — чуть заметно улыбнулся Анин.

— А вы это пховеряли или это у вас теохитические знания?

Надин не без удивления посмотрела на дочь, она не понимала, почему Патриция так нападает на по сути дела совершенно ей незнакомого человека.

— Я готовлю себя к тому, что все мирское скоро для меня перестанет существовать, — очень серьезно, но и спокойно отразил выпад Анин.

— И скохо случится это великое событие? — продолжала допытываться Патриция.

— Думаю, что скоро.

— Саша, — вмешалась Надин, чтобы остановить дочь, — наверное, у тебя серьезные причины для такого поступка, но может быть есть другие решения.

— Конечно, есть, но не для меня, Надя. Я выбрал этот путь не случайно. Его мне подсказал Бог.

— Двадцать лет назад ты не верил в Бога.

— Двадцать лет назад я верил в себя, двадцать лет назад я мечтал встретить женщину, которую полюблю всей своей душой. Но это было двадцать лет назад, неужели бы ты хотела встретить меня совершенно таким же, каким я расстался с тобой? Я же вижу, что и ты сильно изменилась. Прости меня, но мне кажется не в лучшую сторону.

Чтобы скрыть смущение, Надин слегка отвернула голову в сторону. На её беду он чересчур проницателен, с помощью Бога, дьявола или еще кого-то, но он видит и чувствует гораздо больше, чем бы ей хотелось. И ей следует быть с ним особенно осторожной.

— Ты прав, я сильно изменилась, но почему

же ты думаешь, что не в лучшую сторону.

— Еще не знаю. Так подсказывает мне мой внутренний голос. Но, думаю, со временем я пойму, что случилось с тобой.

— И все же ты принимаешь мое приглашение, такого нехорошего человека, как я.

— Конечно, ты мой старый друг, и я люблю тебя. Да и скверна одного никогда не пристанет к другому, если сам он чист. А если пристаёт, то значит, что и он сам носитель скверны.

— Тебе не кажется, что ты очень сурово судишь людей.

— Я не сужу людей, я просто не скрываю того, что я о них думаю. И к себе я отношусь точно так же, как к другим.

— А как же милосердие, о котором постоянно твердит церковь.

— Нет ничего милосерднее, чем говорить правду, и нет большего вреда, чем лгать.

Надин поняла, что в этом споре ей его не победить. И все же она была уверена, что на самом деле не так уж он неуязвим, что его твердая невозмутимость — всего лишь маска, которую он сам сорвет со своего лица, когда попадет в несколько иные условия, чем этот полуразрушенный, пребывающий в запустение и в летаргическом сне монастырь.

— Я хочу внести пожертвование на

восстановление твоего монастыря.

— Монастырь не мой, он принадлежит Богу, а за пожертвования спасибо. Я позову настоятеля, и он все оформит надлежащим образом. — Анин встал, и Надин невольно залюбовалась его статной фигурой. Как ни странно, но длинное монашье одеяние не портило ее, а скорее наоборот, подчеркивала стать и рост.

Анин двинулся к выходу.

— Мы больше не увидимся, — остановила его Надин.

— Мне кажется, что пока каждый сказал другу все, что хотел. Разве не так, Надя?

— Пожалуй, — в очередной раз испытывая смущение, согласилась она.

— Буду ждать твоего приглашения, — сказал Анин и вышел из комнаты.

В Москву они вернулись поздно ночью. Город уже спал, редкие машины пронзали световыми клинками своих фар густую, словно смола, темноту. Всю заключительную часть дороги Надин боялась, что заснет за рулем; её сейчас даже не радовал тот факт, что она с успехом справилась с первым этапом своего плана. Она сама не ожидала, что все пройдет так легко, гладко и быстро. Теперь начиналось самое трудное и даже в какой-то мере опасное. Но думать о том, что ей вскоре предстоит, было сейчас свыше её сил.

Наконец показалась неоновая вывеска гостиницы. Надин поставила машину на стоянку, и слегка пошатываясь от усталости, выбралась из салона. Следом за ней повторила этот подвиг и Патриция. На обратном пути она почти ни о чем ее не спрашивала, и Надин была благодарна за это дочери. То, что ей не надо было отвлекаться на пререкания с ней, сохранило у Надин немало сил.

Они поднялись в номер. Надин, вопреки своей многолетней привычки, даже не стала умываться перед сном, а сразу же плюхнулась на кровать.

— Я еще никогда так не уставала, — не без труда ворочая языком проговорила она, отвечая на недоуменный взгляд дочери.

— Но мне кажется, ты можешь радоваться, ты добилась всего, чего хотела. Разве не так?

— Настоящий успех приносит не радость, а смертельную усталость, — сказала Надин. — А до неё еще очень далеко, — задумчиво добавила она.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Старый дачный поселок утопал в зелени, за которой прятались маленькие деревянные халупы. Узкую грунтовую дорогу с двух сторон сжимали обвитые плюшем изгороди. Машина неторопливо двигалась по тропинке, оставляя за собой воздушные змеи из пыли и мусора.

Надин с волнением смотрела вокруг, узнавая и не узнавая когда-то родные ей места. Двадцать лет она не была здесь, с того самого памятного лета, А тут, кажется, мало, что изменилось, разве, что провели свет и газ. Да и деревья на дачных участках подросли, стали толстыми и высокими, обзавелись пышной шевелюрой из ветвей и крон. А тогда они еще, словно подростки, были совсем тоненькие и маленькие, и любой, даже не сильный порыв ветра заставлял, словно школьниц-гимнасток, изгибаться.

Она хорошо помнила, как строился и разрастался этот поселок, как дружно копали люди неподатливую, сопротивляющуюся их усилиям глинистую землю, как вырастали на ней дома. Она помнила, как возводил их дачный домик отец; он был замечательный умелец и почти все работы выполнил сам. Сначала он построил первый этаж, но не удовлетворившись достигнутой высотой, на следующий год принялся сооружать еще один. Они тогда очень гордились тем, что их загородный небоскреб, как шутили они, был один из самых больших и лучших в поселке, и соседи по участку ходили к ним осматривать его, как на экскурсию. Видел бы он, что сделала его дочь, какой особняк отгрохала она на том же самом месте, где еще недавно стояла заброшенная, полу развалившаяся постройка. Впрочем, она сама еще живьем не

видела его, только на фотографиях, которые регулярно присылал в Париж ее здешний агент. Любопытно, какое впечатление произведет их загородная вилла на ее дорогую Патрицию.

— Нам еще долго плестись по этому унылому поселку? — в ту же секунду, что Надин подумала о ней, напомнила о себе и Патриция.

— Нет, вот мы и приехали. Тормози.

Перед ними возвышался большой двухэтажный каменный замок, еще больше напоминающий своих средневековых собратьев узкими вытянутыми в высоту готическими окнами. Надин взглянула на дочь и увидела, что Патриция явно застыла в изумлении, смотря на это великолепное сооружение.

— Мама, ты сошла с ума, — наконец произнесла свой вердикт она.

— Почему ты сделала такой сногшибательный и далеко идущий вывод? — едва заметно улыбнулась Надин.

— Но ведь все это стоит черт знает сколько денег. Мы бы могли на них купить маленький домик на побережье.

— Купим и вовсе не обязательно маленький, купим большой, настоящую виллу. Уверяю тебя.

— Но на что? Теперь я понимаю, почему ты столько раз мне говорила, что мы должны экономить. Все из-за этой грандиозной стройки.

— Только частично. У меня возникли и другие проблемы. Что касается этой, как ты говоришь, грандиозной стройки, то, уверяю тебя, мои затраты окупятся.

— Каким образом. Мы продадим этот замок в тридорога?

— Я надеюсь на другое решение.

— А что мы будем делать с этим строением, когда уедем отсюда?

— Еще не знаю. Может быть, как ты говоришь, продадим, а может быть, найдем этому дому иное применение. Например, сдадим в аренду. Признаться честно, я еще об этом не думала.

— А о чем ты думала?

— Я думаю о том, что завтра к нам придет много гостей и надо все подготовить к их приему. Работа предстоит довольно большая. Я написала своему агенту, как он должен обставить дом, чтобы все чувствовали себя тут комфортно. Но я не уверена, что он все сделал, как надо. У нас не должно быть сомнений, что тут есть все, что нам может понадобиться.

— А что нам может понадобиться.

— В первую очередь ключи, чтобы открыть эти тяжелые ворота.

Надин достала из сумочки гремучую связку ключей и вставила один из них в массивный висячий замок. По выложенной плиткой дорожке

они прошли к дому.

Внутри дом был отделан скромно, без всяких излишеств, но со вкусом. Надин неторопливо бродила по его коридорам, заглядывала в комнаты, решая, кого в какую из них поселить. Для себя она выбрала небольшую, как назвала она ее в шутку, светелку. Мысленно она похвалила своего агента, вкус у него был безупречный, хотя мебель была и недорогой, но очень приятной. Она подумала, что за те деньги, что она выделила на эти цели, не так-то легко было хорошо обставить такие огромные хоромы. Но он отлично справился со своей задачей; если она и в самом деле купит когда-нибудь виллу на побережье, то не исключено, что она призовет его мебелировать и её.

И все же работы, как и предвидела Надин, было очень много. Когда она ехала сюда из Франции, то обдумывала вариант приглашение в дом прислуги. Но затем решила, что все заботы по ведению домашнего хозяйства и обслуживанию гостей они возьмут с Патрицией на себя. Конечно, она немного отвыкла от подобных занятий, особенно трудно ей придется с приготовлением пищи; не так-то просто каждый день кормить такую ораву. Тем более, почти все они привыкли к хорошей еде. Но зато это будет для неё неплохой практикой и особенно она пригодится Патриции; в преддверие семейной жизни дочери совсем неплохо

будет пройти подобный курс обучения.

Они действительно протрудились весь день, убирая дом, скребя и моя полы, расставляя посуду, рассовывая вещи по шкафам и антресолям, застилая кровати. Надин то и дело поглядывала на дочь, но та на ее удивление работала старательно и неожиданно довольно скоро. Но больше всего удивило Надин то, что за все это время из уст Патриции не вылетела ни одна жалоба на свою несчастную судьбу; она все делала столь добросовестно, словно прониклась всей важностью возложенной на неё задачи. К концу дня, давно отвыкнув от такого напряженного труда, Надин почувствовала, что у нее отваливаются ноги и руки. Это дают о себе знать годы или перенапряжение, спрашивала она себя, видя, что Патриция продолжает оставаться почти такой же свежей, как и в самом начале их совместной деятельности. Скорей всего все вместе. Она подумала, что пора завершать эту работу, в конце концов небольшой беспорядок, который встретит ее старых друзей, будет отдавать даже некоторым шармом; праздновать новоселье можно и в не до конца благоустроенном жилище. А завтра у них всех будет грандиозный праздник.

Надин была слишком усталой, для того чтобы что-то готовить; она вскипятила чай и сделала бутерброды. Они решили поужинать в саду.

Вечер был очень теплый и тихий, на темном небе искрились кристаллики звезд, прячась в деревьях, играл с молодой листвой ветер, с соседних участков периодически доносилось бдительное тьяканье, предупреждающих злоумышленников о своем существовании, собак. Надин и Патриция сидели на удобных шезлонгах, изредка покусывали бутерброды, запивая их теплым чаем.

— Значит, именно здесь и протекали события того знаменитого лета, — вдруг проговорила Патриция.

Надин посмотрела на дочь; в темных сгустках позднего вечера были видны лишь контуры ее лица, но все же ей показалась, что Патриция усмехается.

— Этому лету только еще предстоит стать знаменитым, — ответила Надин, меняя недоеденный бутерброд на сигарету.

— И все же я не понимаю, что случилось такого особенного двадцать лет назад, что тебе понадобилось вернуться сюда, да еще притащить с собою свою несчастную дочь.

— Абсолютно ничего не случилось, — сказала Надин.

— Вот те на! Ты, словно назойливая пчела, все уши прожужжала мне о том, какое великое значение имело в твоей жизни это лето, а теперь говоришь, что тогда ничего сногшибательного не

происходило.

— Так и есть, — невольно улыбнулась Надин, — великого ничего не случилось, а значение было действительно большим.

— Не понимаю, — тряхнула головой Патриция. — Мы с моими друзьями тоже вместе проводим лето, но ни у кого не возникает и мысли, что это имеет какое-то значение. Просто мы отдыхаем, развлекаемся. Надо же как-то убивать время раз родители нам его зачем-то подарили. А способов, как это сделать, придумано не так уж и много.

— Знаешь, в чем твоя беда и беда твоих знакомых, вы хотите на все вопросы получить немедленно ответы. Вам скучно самим заниматься их поиском, вам непременно требуется кто-то, чтобы все вам разъяснил.

— Я вижу, что ты так увлечена этим делом, что растянула этот процесс аж на двадцать лет?

— Он, может быть, растянут и на двести и на две тысячи лет. Все зависит от двух вещей.

— Ты не сочтешь за великий труд мне их перечислить.

— Ты бы и сама могла догадаться. Все зависит от самого вопроса и того ответа, какой хочешь получить. Если тебе нужен ответ самый простой и банальный, не для того, чтобы понять, а для того, чтобы почувствовать уверенность, что ты

чего-то там знаешь, то тогда это один срок. А если ты желаешь постигнуть самую сердцевину явления, то тогда тебе понадобятся совсем другие усилия и совсем другое время.

— Я так понимаю, вы тогда хотели постигнуть самую сердцевину, найти в траве на дачном участке философский камень.

— Как ни странно, но ты близка к истине. Хотя, как теперь выясняется, у каждого было свое понимание этой сердцевины и своя степень желанья ее постигнуть.

— И ты приехала сюда, чтобы оценить достижения своих друзей в понимание сердцевины и в поиске философского камня?

— Что ж, можно сказать и так. Пожалуй, это весьма любопытная формулировка моей задаче.

— А как бы ты ее сформулировала?

Надин всерьез задумалась, вопрос дочери застал ее отчасти врасплох. Она никогда не любила словесно обозначать те цели, которые ставила перед собой. В ней просто всегда вдруг возникало ощущение: это она должна непременно достичь, это она должна непременно понять, этим она должна непременно завладеть, дабы чувствовать себя комфортно, дабы поселить внутри себя уверенность, что она добралась до требуемого ей результата, что карабкается именно на ту вершину, на которую и хочет взобраться. И точно также, не

вдаваясь в долгие размышления, она поступила и на этот раз. Патриция не может понять, что если начать все пытаться вербализировать, анализировать, расставлять по полкам и раскладывать по полкам шкафа и развешивать по плечикам, то появляется немалый риск, что она никогда так и не сумеет определить цель ее возвращения. Знакомые считают ее очень прагматичной и, подобно стреле пущенной умелым лучником, целеустремленной, летящей прямой дорогой к нужному результату — и они правы. Она действительно всегда идет до конца, не успокаивается, пока не получит желаемого. Но никто не догадывается, что и её знаменитые практичность и целеустремленность на самом деле вытекают из полной неясности и аморфности ее чувств и стремлений. И как знать, не в этом ли ее счастье; иначе она могла бы быстро исчерпать весь свой потенциал желаний и намерений и во второй половине жизни остаться ни с чем, лишь слабо греясь у того костра, который зажгла в ней когда-то юность. Сколько таких погасших, как вечернее освещение утром, людей она встречала на своем веку, и всякий раз, сталкиваясь с ними, испытывала испуг; а вдруг однажды тоже самое случится и с ней. И она предпринимала все возможное, а подчас и невозможное, чтобы этого не произошло бы. Но Патриции вряд ли стоит об этом рассказывать, по

крайней мере, сию минуту; все равно она не поймет и не из-за глупости, а из-за молодости; для постижения этих, в общем-то банальных истин, нужно непременно обладать грузом прожитых лет и вызванными ими страхами.

По-видимому, Патриции надоела молчаливая задумчивость матери, и она напомнила, что ждет ответа на поставленный вопрос.

— Значит, все-таки ты не знаешь, зачем сюда приехала?

— А если это и так, — вдруг усмехнулась Надин. — А ты часто знаешь, почему ты поступаешь, так или иначе? Ответ только честно.

— Почти никогда не знаю, — подумав секунду, согласилась Патриция. — Вернее знаю, но как-то неопределенно. Вроде бы чего-то хочется, но почему хочется — непонятно.

— Я поняла тебя, — довольно улыбнулась Надин. Все-таки они похожи друг на друга гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И это хорошо, это дает надежду на то, что Патриция сумеет понять мотивы ее поступков даже тогда, когда она будет не слишком их одобрять. А ей бы очень не хотелось когда-нибудь выйти из доверия дочери. — Но коли это так, то почему ты отказываешь мне в возможности действовать точно таким же образом. Будь ко мне снисходительней. И тогда у тебя сразу отпадет куча претензий ко мне.

— Но я же вижу, что ты действуешь строго по плану. Каждый твой шаг продуман. Значит, все, что ты делаешь, подчиняется какой-то цели. Хотя какой я никак не могу понять, а ты не желаешь объяснить.

А она молодец, умница, одобрила ход размышлений дочери Надин. Вот только свой ум зачастую она использует исключительно для того, чтобы удовлетворять свои очередные капризы.

— Конечно, я действую не вслепую. Но то, что я делаю, мало отличается оттого, что я делала в течение всей своей жизни. Мои желания остаются неопределенными, но шаги выверенными. Именно такой подход и помогал мне до сих пор достигать успеха.

— Мама, — засмеялась Патриция, — если тыставишь своей задачей окончательно запутать меня, то ты близка к ее достижению. Если я правильно тебя поняла: ты не знаешь, чего хочешь, но твердо двигаешься к намеченной цели.

Надин улыбнулась, эта игра нравилась ей, в сущности, вся ее жизнь и была посвящена составлению и разгадыванию подобных кроссвордов; без них она бы не выдержала те испытания, которые неизвестно по какой причине наслала на нее судьба.

— Ты неплохо сформулировала один из принципов моего поведения. Все дело в том, что со временем начинаешь понимать, что цели нет, что

единственная достойная усилий цель и есть сама жизнь, каждое ее мгновение. Молодость диктует другие представления, она чувствуют себя неуютно, если не видит перед собой какой-то важной задачи. Девушка хочет удачно выйти замуж, юноша сделать карьеру или быстро разбогатеть. Но когда девушка превращается в замужнюю даму, а юноша становится богачом, то они вдруг начинают понимать, что все эти грандиозные цели мало чего стоят. К замужеству также быстро привыкаешь, как и к богатству, и начинаешь с тоской думать о том счастливом времени, когда ты еще не была замужем и свободна от всех этих докучливых обязанностей, или когда ты был беден, но молод, и тебя любили девушки за твою красоту и ум, а не за твои деньги. И тогда к человеку приходит невольная мысль, что на самом деле все это не стоит и половины усилий, что были истрачены, дабы получить все эти ценности.

— Что же в этом случае имеет ценность? Ты меня просветишь?

Надин зажгла новую сигарету.

— Но разве из моего ответа неясно. Ценность — это сама жизнь, каждое ее мгновение. Скажи, что ты сейчас слышишь?

Патриция затихла на несколько секунд.

— Тебе все перечислить или выборочно.

— Как тебе удобно.